
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00323213 9

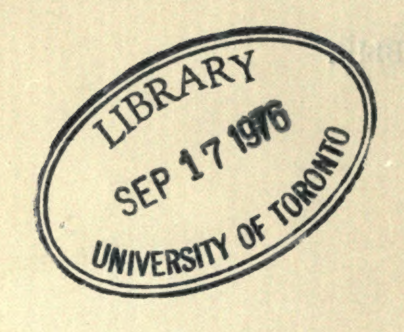
А. ЧЕРЕМНОВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

Тип. Скоропечатни А. А. Левенсонъ
Москва, Трехпрудный пер.

1913.

Дорогой матери моей

Маріи Павловнѣ Миловидовой

посвящаю эту книгу.

ВЪ ПУСТЫНѢ.

Д. А. Гохбауму.

Прощенія!.. Однимъ безумнымъ крикомъ
Давно полны земля и небеса.
Давно слились въ отчаяньи великомъ
Передъ Тобой людскіе голоса.
Прощенія!.. Довольно мы терпѣли!
Тебя зовутъ сыны Твоей земли!
Ты видишь ли: уста оледенѣли!..
Ты слышишь ли: сердца изнемогли!..
Въ ужасной тьмѣ вражды и озлобленья
Отъ нашихъ глазъ сокрылись всѣ пути...
Прощенія! Довольно искупленья!
Исполненъ долгъ. Помилуй и прости!

Когда въ грѣхѣ упалъ народъ избранный
И поднялъ ликъ мятежнаго Тельца,—
Ты путь сокрылъ къ Землѣ Обѣтованной
И поразилъ проклятіемъ сердца.
Безъ радости, безъ неба и святыни
Народъ Твой шелъ въ отчаяньи и злѣ.
Ты сорокъ лѣтъ томилъ его въ пустынѣ,
Но вновь привелъ къ святой Твоей землѣ...

О, будь и намъ владыкой милосерднымъ!..
Прости и насъ, Возлюбленный Отецъ!
Воззри къ землѣ: въ раскаяньи усердномъ
Къ Тебѣ летятъ молитвы всѣхъ сердецъ;
Тебя поемъ на арфахъ и кимвалахъ,
Тебѣ звучитъ торжественный органъ...

О, Господи!.. Для путниковъ усталыхъ
Еще ль далекъ желанный Ханаанъ?!.

ПЛАЧЪ ПО УБІЕННЫМЪ.

Въ скорбномъ чинѣ погребенія
Вспомнимъ, братья, о Христѣ,
Вспомнимъ смертныя мученія
Агнца Міра на крестѣ.

Нынѣ властью Звѣря сильнаго
Намъ затворены уста,—
Но изъ сумрака могильнаго
Молимъ Господа Христа:

— Іисусе, вѣчной славою
Осіянный въ небеси!
Ты стезею шедшихъ правою
Взятыхъ смертію кровавою
Къ жизни вѣчной воскреси.

Обрати на души черныя
Свѣтлыхъ ангеловъ мечи!
Потряси столпы позорные,
Силу ада расточи.

Отъ земли къ Твоимъ обителямъ
Мы возносимъ скорбный стонъ:
Гнѣвъ яви земнымъ властителямъ,
Гнѣвъ врагамъ и гнѣвъ губителямъ,
Сокрушившимъ Твой законъ.

Но сильнѣе слезъ и пѣнія
Да ударитъ въ Твой чертогъ
Крикъ безумнаго мученія
И невинной крови токъ.

Мы, отъ плача истомленные,
Предаемъ землѣ Твоей
Трупы, кровью обагренные,
Жаломъ смерти уязвленные,
Падшихъ братій и друзей.

Ихъ уста землѣ повѣдали
Скорбь и ужасъ бытія,
Ихъ Іуды тайно предали,
Имъ Пилатъ былъ судія.

Внидутъ въ горнія селенія
Всѣ сраженные въ борьбѣ,
Силу скорби и терпѣнія
Возносящіе къ Тебѣ.

Насъ же, преданныхъ рыданію,
Ты, Владыко, не покинь
И спаси небесной дланію
Міръ измученный. Аминь.

СИМОНЪ КИРИНЕЙСКІЙ.

Пилатъ умылъ въ молчаньи руки,
Неумолимъ синедріонъ,
И тихій стонъ великой муки
Безумнымъ ревомъ заглушенъ.

Какъ разъяренныя пантеры,
Толпятся, злобою горя,
Рабы, купцы, вожди, гетеры,
Жрецы святого алтаря.

Устами жаднаго удава
Іуда славитъ черный грѣхъ,
Ликуетъ бѣшено Варрава,
И Каіафы слышенъ смѣхъ...

А Онъ, усталый, одинокій,
Лежитъ подъ тяжестью креста,
И скорбью темной и глубокой
Дрожатъ прекрасныя уста.

Исполненъ мукою кончины,
Въ лазурь небесъ восходитъ стонъ,
И капли крови, какъ рубины,
Съ чела струятся на хитонъ.

Стоятъ смущенною толпою
Ученики Его окрестъ,—
Но одному даны судьбою
Ужасный Путь и тяжкій Крестъ.

А тамъ во мглѣ, вдали отъ шума,
Тоскуя тайно о Крестѣ,
Голгоѳа высится угрюмо
Въ своей печальной наготѣ...

. . . .

Но если всѣ, не вѣря чуду,
Въ молчаньи робко отошли,—
Тебѣ одинъ я вѣренъ буду,
Господь и Богъ моей земли!

Съ Тобой влачусь я по дорогѣ
Тяжелой пыльною стезей,
Твои израненныя ноги
Кроплю горячею слезой.

И раздѣлю Твои мученья
И у позорнаго креста
Приму удары и глумленье
И боль — за Господа Христа.

МОЛИТВА ВЕЧЕРНЯЯ.

На горы, воды и селенья
Упали тѣни. Вечеръ тихъ.
Господь! Тебѣ мои моленья:
Благослови нетвердый стихъ!

Въ красѣ ликующихъ созвучій
Дозволь явить Твоей землѣ
Тебя, Гремящаго за тучей,
Тебя, Почившаго во мглѣ!

Среди волненія дневнова
Душа измучилась въ борьбѣ,—
Но день угасъ,—и сердце снова
Полно молитвами Тебѣ!

И все, чѣмъ мысль жила тревожно,
Что духъ плѣняло и влекло,
Все стало сумрачно и ложно,
И расточилось, и ушло.

И все, отринутое прежде
Умомъ смятеннымъ и больнымъ,
Предстало вѣрѣ и надеждѣ
Желаннымъ, вѣчнымъ и роднымъ.

И въ откровеньи благодатномъ
Я знаю вновь, куда итти:
Мнѣ свѣтятъ свѣтомъ незакатнымъ
Твои небесные пути!

ПАСХАЛЬНЫЙ ЗВОНЪ.

Лейся, лейся, красный звонъ,
Свѣтлый, чистый звонъ пасхальный!
Сумракъ сѣни погребальной
Яснымъ солнцемъ побѣжденъ.

Здравствуй, райская отрада,
Здравствуй, юная заря,—
Стягъ Небеснаго Царя
Надъ вратами злого ада!

Боже! Скорбію дыша,
Адскимъ пламенемъ палима,
Твоего Іерусалима
Жаждетъ темная душа!

Внемля силъ небесныхъ пѣснямъ,
Славимъ пѣсней Высоту.
Сораспятые Христу,
Со Христомъ мы совоскреснемъ.

Посрамился Сатана
Дивной силой Саваоѳа!
Снята смерти пелена
И прославлена Голгоѳа.

И, взывая къ высотѣ,
О Воскресшемъ мы ликуемъ,
Припадая съ поцѣлуемъ
Къ гробовой Его плитѣ!

БѢСЫ ПОЛНОЧНЫЕ.

Сливается сумракъ предутренній
Со тьмою могильной завѣсы.
Предъ свѣтлой Христовой Заутреней
Ярятся полночные бѣсы.

Чертою безсилья охвачены
Дѣянья и цѣли земныя,
Но четко въ грядущемъ означены
Пути и стремленья иныя.

Напрасно ударами молота
Гремитъ надъ землею насилье,—
Въ сіяньи лазури и золота
Звенятъ херувимскія крылья.

Незримыя очи Спасителя
Сіяютъ на черной завѣсѣ.
Разсѣйтесь, полки Искусителя!
Воскресе! Воскресе! Воскресе!

Навстрѣчу разсвѣту грядущему
Поднявъ воспаленныя вѣжды,
Мы вѣримъ видѣнью, несущему
Чарующій образъ надежды.

Сомнѣнья и тлѣнья могильнаго
Падутъ роковыя завѣсы.
Какъ тѣни отъ дыма кадильнаго,
Исчезнутъ полночные бѣсы.

ПИЛИГРИМЪ.

Я иду тропою горной
Къ Праведному Богу.
Уступи дорогу, Черный
Уступи дорогу!

— Ты идешь къ Нему въ объятья
По дорогѣ горной,
А внизу томятся братья
Въ нищетѣ позорной.
Проходи! Ты сердцемъ кротокъ.
Пусть томятся братья.
Ты въ пути бряцаньемъ четокъ
Заглушишь проклятья...

Я иду тропою горной
Къ свѣтлому чертогу.
Уступи, дорогу, Черный,
Уступи дорогу!

—Тамъ узнаешь ты отраду
Дивныхъ откровеній.
Пусть другихъ на жертву аду
Сводитъ темный геній.

Проходи. Пусть ропщетъ глухо
Міръ, лишенный свѣта,
Пусть насилье крылья духа
Обрываетъ гдѣ-то...

Я вернусь тропою горной
Къ вѣчному порогу.
Сторожи дорогу, Черный,
Сторожи дорогу.

ІЕГОВА.

Когда свободно и надменно
Въ пучинахъ жизни міровой
Къ Тебѣ, Зиждителю вселенной,
Примчался вызовъ роковой,—

Въ челѣ послушно-быстролетныхъ
Своихъ безчисленныхъ полковъ,
Въ сіяньи молній искрометныхъ
И въ грозномъ рокотѣ громовъ

Ты мощно всталъ, Живый отъ вѣка,
Отринулъ землю навсегда
И проклялъ Сына-Человѣка
Проклятьемъ смерти и труда.

И вновь Ты правишь нераздѣльно
Всѣмъ міромъ, созданнымъ Тобой...
Твое величье безпредѣльно,
Земля лежитъ Твоей рабой,

Твои пути недостижимы,
Твой тронъ въ вѣнцѣ Твоихъ лучей:
Къ нему не смѣютъ Серафимы
Поднять сіяющихъ очей,

Твоимъ проклятьемъ Дьяволъ связанъ,
Униженъ гордости порокъ,
Твой Сынъ возлюбленный наказанъ...

Но развѣ Ты не одинокъ?

КЪ ВЫСОТѢ.

Небеса все темнѣй,
Все тревожнѣй мечты и усилья,
А свѣтильникъ потухъ...

Улыбнись — и развѣй,
И развѣй свои бѣлыя крылья,
Очарованный духъ!

Посмотри въ вышину:
Какъ отрадно-близка безконечность
Недоступныхъ міровъ!

Уходя въ глубину,
Безпредѣльно раскинула Вѣчность
Свой лучистый покровъ.

Сквозь туманную муть
По холоднымъ таинственнымъ безднамъ,
По таинственной мглѣ

Ослѣпительный путь
Пролегаетъ въ просторѣ надзвѣздномъ
Отъ земли — и къ землѣ.

О, какъ сладко терпѣть!
Какъ покойно и радостно вѣрить!
Какъ отрадно желать:

Въ безпредѣльность взлетѣть,
Безконечность и Вѣчность измѣрить, —
И родиться опять!

КЛАДБИЩЕ.

Вдали отъ свѣта и жилища
Бреду затерянъ и унылъ
И жутью тихаго кладбища
На сердцѣ вѣетъ отъ могилъ.

Тьма расточается отъ свѣта.
Міръ искупленъ. Христосъ воскресъ.
Зачѣмъ же хочется отвѣта
И жадно хочется чудесъ?

Безмолвно спятъ холмы нѣмые,
Молчатъ могильные кресты
И звѣзды блѣдныя, ночныя,
Печально свѣтятъ съ высоты.

Ложится тѣнь вдоль буерака,
И мнится: вдругъ сквозь темный кустъ
Блеснутъ зѣницы Князя Мрака
И хлынетъ холодъ адскихъ устъ!

Пугая мысль необычайно,
Встаетъ въ мятущемся умѣ
Крылатый Звѣрь, чье имя — Тайна,
Чей обликъ кроется во тьмѣ.

ПУТЬ.

За минутой минута,
За ступенью ступень,
А душа безъ пріюта
Какъ могильная тѣнь.

Но призывно и властно
Чья-то пѣсня слышна,
Вдохновенно-прекрасна
И отъ вѣка — одна:

— Не лови сновидѣнья
Мимолетной весны,—
Есть прекраснѣй мгновенья,
Лучезарнѣе сны...

Для суровыхъ исканій
Покидая предѣлъ
Вѣчно-ждущихъ желаній,
Вѣчно-жаждущихъ тѣлъ,

Стань, — и стой молчаливо,
Никуда не иди
Въ ожиданьи призыва,
Въ ожиданьи пути.

Стой недвижно, покуда
Не освѣтится высь
И грядущаго чуда
Ожидай — и молись.

ЗВѢЗДЫ.

Спите, усталые!
Въ звѣздномъ мерцанiи
Полночь встаетъ за лѣсными границами.
Нивы уснули въ тревожномъ молчанiи,
Синiя дали не свѣтятъ зарницами.
Въ блѣдную дымку волшебно наряжены
Темныя рощи, лѣсныя прогалины,
Тѣни слились, очертанiя сглажены,
Вздохами ночи поля опечалены,
Льется прохлада струями тяжелыми,
Спитъ на полянахъ, плыветъ надъ покосами,
Вся напоенная крѣпкими смолами,
Свѣжими травами, лѣтними росами...

Спите!
Впередъ,—по простору безбрежному,
Въ темную Вѣчность, въ пучины холодныя
Мы уплываемъ, — но свѣтятъ попрежнему
Яркiя звѣзды, огни путеводные.
Чьи-то объятья къ землѣ простираются,

Чье-то дыханіе сердцемъ угадано:
Точно къ нему отъ полей поднимаются
Запахи травъ, какъ куреніе ладана,
Дымы тумана разсвѣтные, алые,
Хоръ соловьевъ надъ незримыми гнѣздами...

Спите, тревожные! Спите, усталые!
Мы не утонемъ подъ вѣчными звѣздами.

ХИМЕРА.

Закатъ угасъ. На синевѣ густой
Едва мерцалъ зловѣщій свѣтъ Венеры.
Я шелъ во тьмѣ. И вотъ надъ высотой
Небесный сводъ раздвинулся безъ мѣры.

И тамъ въ коронѣ звѣздно-золотой
Увидѣлъ я лучистый ликъ Химеры:
Онъ тихо плылъ, сіяя въ безднахъ сферы
Мучительно-влекущей красотой.

По всѣмъ мірамъ раскинулась мгновенно
Его лучей таинственная власть
До граней, гдѣ зіяющую пасть
Раскрылъ Хаосъ.

Упорно, дерзновенно
Слѣдилъ я взоромъ то, что неизмѣнно:
Творящую, ликующую страсть.

ЗМѢЯ.

Безжалостной змѣей вползая въ сердце мнѣ,
Губительная мысль не знаетъ примиренья
И яростно шипитъ въ незримой глубинѣ
Жестокимъ голосомъ вражды и озлобленья:

— Впередъ, впередъ, впередъ! Безумецъ и слѣпецъ!
Не смѣй спокойнымъ быть въ юдоли слезъ и муки!
Не даромъ я плела колючій твой вѣнецъ
Изъ терній горькихъ думъ, обмановъ и разлуки.

Недаромъ падалъ ты и поднимался вновь,
Усталый, страждущій отъ горя и сомнѣнья,
Лелеялъ, какъ дитя, великую любовь
И гналъ ее въ тоскѣ, какъ черное видѣнье.

Больной фантазіи роскошные цвѣты
Срывая въ часъ ночной одинъ въ своей пустынѣ,
Ты понялъ свой удѣлъ и путь увидѣлъ ты:
Опасный долгій путь къ невѣдомой святынѣ.

И гдѣ бы ни былъ ты: въ кругу твоихъ друзей,
У тѣла женщины, дрожащей отъ желаній,—
Тебя охватитъ скорбь и тайною своей
Развѣетъ легкій дымъ земныхъ очарованій.

И вѣчнымъ странникомъ, печальнымъ и смѣшнымъ
Для тѣхъ, кто любитъ жизнь, ты всюду будешь въ мірѣ:
Далекій близкому, чужой сердцамъ роднымъ,
Со взоромъ тонущимъ въ таинственномъ эфирѣ.

И въ скучномъ блескѣ дня и въ сумракѣ ночей
Ты будешь устремлять всѣ помыслы и взгляды
Къ далекимъ берегамъ невѣдомыхъ морей,
Въ лазурную страну незнаемой отрады.

ЖЕМЧУГА.

И. А. Бунину.

Въ хранилищѣ стариннаго собора
Сырая тьма печальна и строга.
Въ нѣмыхъ ларцахъ укрытые отъ взора,
Тускнѣя, умираютъ жемчуга.

Тревоженъ сонъ поблекнувшихъ сокровищъ:
Имъ помнится морская глубина,
Скользящій ходъ уродливыхъ чудовищъ,
Зеленый свѣтъ таинственнаго дна.

Имъ чудятся замученные люди,
Шипѣнье стрѣлъ, кровавые ножи
И темныя, трепещущія груди
Веселыхъ женъ Великаго Раджи.

О, милый край, гдѣ пальмы шелестѣли
Надъ камнями извилистыхъ дорогъ!
Какъ сладко спать на смугломъ женскомъ тѣлѣ
И жадно пить любимый теплый сокъ!

Молчитъ соборъ. Чуть слышенъ голосъ хора.
Сырая тьма печальна и строга.
Въ нѣмыхъ ларцахъ укрытые отъ взора,
Тускнѣя, умираютъ жемчуга.

РАКЕТА.

Въ открытомъ морѣ мечется фрегатъ,
Встрѣчая смерть въ объятьяхъ урагана.
Какъ слабый зовъ, огни его дрожатъ
Въ густыхъ клубахъ соленаго тумана.

По гребнямъ волнъ къ намокшимъ парусамъ
Несется шквалъ. На вопли нѣтъ отвѣта.
Волна реветъ. И къ чернымъ небесамъ,
Шипя, летитъ послѣдняя ракета...

Вотъ образъ мой. Подобно кораблю,
Моя душа скользитъ по темнымъ безднамъ
И стихъ звучитъ призывомъ безполезнымъ...

Поймешь ли ты, какъ горько я молю!

СТАРАЯ СКАЗКА.

Лишь сумракъ падетъ молчаливый
И звѣзды, свѣтясь, поплывутъ,—
Услышу я бѣгъ торопливый
Тревожно зовущихъ минутъ.

Пройду переулкомъ пустыннымъ
Подъ тусклымъ огнемъ фонарей
И тѣни въ покоѣ старинномъ
Спугну у тяжелыхъ дверей.

Склонившись къ печальному ложу,
Не трону я блѣдной руки,
Я лаской тебя не встревожу,
Я вздохомъ не выдамъ тоски.

И много чудесныхъ исторій
Тебѣ разсказать я могу:
О замкѣ у дальнихъ предгорій
На свѣтломъ морскомъ берегу,

О добрыхъ колдуньяхъ Востока,
О старомъ слѣпомъ королѣ,
О гномахъ, уснувшихъ глубоко
Въ холодной и черной скалѣ...

И если надъ сказкою древней
Я плачу — и слезъ не таю, —
То слезы о бѣдной царевнѣ,
Живущей въ далекомъ краю.

Она изнываетъ больная
Въ покояхъ дворца своего...
Я зналъ ея имя, родная,
Но мнѣ не припомнить его.

И кто полюбилъ ее страстно —
Не помню... Не все ли равно!..
Она молода и прекрасна
И ей умереть суждено.

Снилось мнѣ, что въ небѣ блѣдный мѣсяцъ гасъ
И дрожали звѣзды въ предразсвѣтный часъ,
И восточный вѣтеръ отъ пустыхъ полей
Шелестѣлъ верхами темныхъ тополей.

И спокойно-спящей мнѣ приснилась ты:
Ровное дыханье, блѣдныя черты,
И рѣсницъ сомкнутыхъ трепетная тѣнь,
И по стекламъ оконъ крадущійся день...

ГРУСТЬ.

Зачѣмъ опустила ты взоры,
И грустишь, и не скажешь: о чемъ?..
Посмотри, какъ далекія горы
Золотятся послѣднимъ лучомъ.

Я видѣлъ выше громады,
Я видѣлъ расщелины скалъ,
Гдѣ, пѣнясь, летятъ водопады
Въ бездонный провалъ.

И тамъ на извилинахъ горныхъ
Я встрѣчалъ у дѣвушекъ-птицъ
Пламя взглядовъ глубокихъ и черныхъ
И трепетъ склоненныхъ рѣсницъ.

Мнѣ звенѣлъ ихъ напѣвъ прихотливый,
И серебряный смѣхъ,
И всѣ онѣ были красивы,
Но ты прекраснѣй ихъ всѣхъ.

О, не надо грусти, не надо
Тревожной и темной тоски!..
Вечерняя льется прохлада,
И по взморью зажглись огоньки,

И сосны уснули глубоко
Надъ кипящимъ горнымъ ключемъ...
Но ты все грустишь одиноко,—
И не скажешь: о чемъ...

ПОСЛѢДНІЕ ЛУЧИ.

Какъ сердцу быть и чѣмъ помочь?
Безумное, молчи!
Уходитъ день, — приходитъ ночь,—
И прячутся лучи.

И не заблещутъ съ новымъ днемъ
Изъ-подъ густыхъ рѣсницъ
Ни яркимъ солнечнымъ огнемъ,
Ни пламенемъ зарницъ.

Мой мракъ пришелъ, мой свѣтъ угасъ,
Мой міръ угрюмъ и пустъ...
О, тихій блескъ далекихъ глазъ!
О, лепетъ нѣжныхъ устъ!

Печаль стучится у дверей,
Усни, моя любовь!
Я въ пламя чуждыхъ алтарей
Бросаю сердце вновь.

Навѣкъ ушли въ нѣмую ночь
Послѣдніе лучи.
Какъ сердцу быть и чѣмъ помочь?
Безумное, молчи!

БУДЬ БЛАГОСЛОВЕННА.

Всѣ восторги прожиты, всѣ огни погушены,
Отцвѣли и умерли радостныя сказки.
Клятвы, обѣщанія и слова нарушены
И остыли жгучія, трепетныя ласки.

Но царитъ попрежнему память неустанная.
Пусть сердца измѣнчивы, пусть любовь мгновенна,—
О, моя прекрасная, о, моя желанная,
О, моя далекая, — будь благословенна!

ПОДЪ ГРОЗОЙ.

Душный вечеръ въ іюлѣ
Сталъ внезапно темнѣй,
И поля потонули
Въ сѣрой дымкѣ тѣней.

Низко рѣяли птицы,
Низко тучи ползли,
Трепетали зарницы
Отъ небесъ до земли.

И въ стремительной силѣ
Сквозь кусты и бурьянъ
Желтымъ облакомъ пыли
Налетѣлъ ураганъ.

Отъ далекаго гула
Потряслись небеса.
Ты, робѣя, взглянула
И закрыла глаза.

И безсильно склонилась
Съ первой дрожью стыда...
И на вѣкъ сохранилось
Все, какъ было тогда:

Прелесть ласки несмѣлой,
Трепетъ, жуткій до слезъ,
Шелестъ кофточки бѣлой,
Тонкій запахъ волосъ,

Разметавшійся локонъ
На холодной щекѣ,
Рядъ темнѣющихъ оконъ,
Черный лѣсъ вдалекѣ,

Сумракъ комнатъ огромныхъ,
Крикъ встревоженныхъ птицъ,
И въ глазахъ твоихъ темныхъ
Отраженье зарницъ.

ЗОРИ.

Сіяютъ закатныя зори.
Безмолвная ночь подошла.
На взморье отъ темныхъ предгорій
Спускается бѣлая мгла.

На взморье отъ темныхъ предгорій
Въ молчаніи полночь плыветъ...
Склони на плечо мнѣ головку
И слушай, какъ море поетъ.

Склони на плечо мнѣ головку,
Свободно и тихо вздохни.
Въ тревогѣ земного скитанья
Одни мы съ тобою, одни...

Въ тревогѣ земного скитанья
Истерзаны сердце и грудь...
Какъ сладко забыть о минувшемъ
И какъ хорошо отдохнуть.

Какъ сладко забыть о минувшемъ,
Какъ сладко шепнуть: Подожди!..
Сіяютъ закатныя зори,
Послѣдній покой — впереди.

Сіяютъ закатныя зори,
Кончаются трудные дни...
Въ иное безбрежное море
Уйдемъ мы съ тобою одни.

СОНЪ.

Въ алыхъ зоряхъ снится мнѣ знакомый
Дальній край ликующаго юга:
Вѣетъ вѣтеръ сладкою истомой,
Рѣжетъ волны черная фелюга.

Я одинъ. Надъ водною равниной
Небеса трепещутъ, свѣта полны,
Вздулся парусъ грудью лебединой,—
А кругомъ поютъ и плещутъ волны.

У подножья горнаго карниза
Видѣнъ берегъ радостному взору:
Мимо скалъ и камней Симеиза
Я плыву по свѣтлому простору.

Тамъ вдали, — надъ пыльною дорогой
Всѣ въ зарѣ сверкаютъ стекла оконъ...
Я ищу съ тоскою и тревогой:
Гдѣ по вѣтру вьется милый локонъ?

Я зову,—но голосъ мой нѣмѣетъ...
Берега безлюдны и безмолвны.
Вьется парусъ, теплый вѣтеръ вѣетъ,
А кругомъ поютъ и плещутъ волны.

ЖЕНЩИНѢ.

Я люблю тебя загадочно и странно,
Я люблю тебя въ таинственныхъ мечтахъ,
Какъ мерцанье тихихъ звѣздъ въ дали туманной,
Какъ зарницу на холодныхъ небесахъ.

Что-то свѣтлое, минутное, родное,
Въ красотѣ твоей таится для меня
И уходитъ, какъ видѣніе ночное
Передъ взорами нахлынувшаго дня.

И на смѣну вдохновенныхъ откровеній
Выползаетъ, какъ уродливая тѣнь,
Сладострастье и безумье наслажденій,
И усталая томительная лѣнь.

Силой страсти властно брошены въ объятья,
Мы дрожимъ, какъ двѣ натянутыхъ струны,—
Но въ душѣ у насъ кипятъ уже проклятья,
И—не знаю, чѣмъ — сердца раздѣлены.

И не знаю я, зачѣмъ мечты ликуютъ,
И зачѣмъ растетъ въ груди моей гроза,
И о чемъ такъ нѣжно просятъ и тоскуютъ
Побѣлѣвшіе глубокіе глаза...

Я не знаю, и не вѣрю, и не вижу,—
Но ищу въ тебѣ родную красоту...
Только женщину въ мечтѣ я ненавижу,
Только въ женщинѣ люблю мою мечту.

АФРОДИТА.

До бѣлыхъ чреслъ откинувъ покрывало,
Склонивъ чело въ таинственной мечтѣ,
Предстала ты — и взоры приковала
Къ божественной и жуткой наготѣ.

И былъ ли то́ обманъ воображенья,
Игра лучей за стеклами дворца,—
Но каждый мигъ мѣнялось выраженье
Надменныхъ устъ и нѣжнаго лица.

Все — мертвый сонъ. И праздничные хоры
Веселыхъ женъ разсѣялись давно,
И прахомъ стали тяжкія амфоры,
Гдѣ пѣнилось багряное вино.

Твой храмъ исчезъ. Далекая Цитера
Давно пуста, безлюдна и дика.
Но ты живешь, богиня и гетера,
И образъ твой не тронули вѣка.

И власть твоя, какъ смерть, неодолима!
Инымъ богамъ напрасно я служу.
Настанетъ день, — и посохъ пилигрима
У ногъ твоихъ я снова положу.

ПѢСНЬ АѲИНСКИХЪ ДѢВУШЕКЪ.

I.

Заплетайте, завивайте
Пышный миртъ и свѣжій лавръ!
Звучно пѣніе сливайте
Съ громомъ бубновъ и литавръ!

Если, страстью пламенѣя,
Мы любви обречены;
Если узы Гименея
Намъ судьбою суждены,—

Пусть же юношамъ-героямъ
Мы, въ урочные часы,
Съ лаской трепетной откроемъ
Сокровенныя красы!

Пусть вѣнчанные Палладой
Примутъ нашу жизнь и кровь!
Пусть достойнѣйшимъ наградой
Будетъ дѣвичья любовь,—

Даръ священный, даръ великій!
Намъ завиднѣе судьба
Быть рабынею владыки,
Чѣмъ владычицей раба!

II.

Вспомнимъ день, когда у Трои,
На глазахъ ахейскихъ силъ,
Распрю подняли герои—
Агамемнонъ и Ахиллъ.

Внялъ губительному гнѣву
Царь Аргоса и Микенъ:
Изъ шатра героя дѣву
Онъ исторгнулъ въ тяжкій плѣнъ.

И томился сынъ Ѳетиды,
Мучимъ горечью обидъ,
Но на ложе Бризеиды
Не дерзнулъ возлечь Атридъ!

День насталъ,—и, устрашенный
Грознымъ натискомъ троянъ,
Царь съ мольбою униженной
Дѣву шлетъ въ Ахилловъ станъ.

Вновь напитокъ благотворный
Въ чашу льетъ ему она,
Вновь любовницей покорной
Ждетъ его на ложе сна,

Чтобы, скорбный и унылый,
Онъ, въ полуночной тиши,
Вновь обрѣлъ въ объятьяхъ милой
Крѣпость тѣла и души;

Чтобъ на утро, въ сѣромъ прахѣ
Тѣло Гектора влача,
Онъ явилъ дрожащимъ въ страхѣ
Блескъ кроваваго меча!

III.

И дрожатъ Пергама стѣны
До высокаго дворца,
Гдѣ разгнѣванной Елены
Рѣчь позоритъ бѣглеца:

— Горе мнѣ! Зачѣмъ явилась
Я къ Троянскимъ берегамъ!
Пусть бы смертью завершилось
Неугодное богамъ!

Стыдъ тебѣ! Въ борьбѣ неравной
Грознымъ мужемъ устрашенъ,
Ты бѣжалъ сюда, безславный
Искуситель слабыхъ женъ!

Взоромъ встрѣтитъ ли радушнымъ
Мужа робкаго жена,
Если бѣгствомъ малодушнымъ
Честь его омрачена!

Ты ли бросишься, пылая
Жаждой мщенья за нее,
Въ тѣ ряды, гдѣ Менелая
Блещетъ грозное копье!

Горе, горе! Въ наказанье
Суждено остаться намъ
На безславныя сказанья
Отдаленнымъ временамъ!

Ни защитника, ни друга!
И грозятъ въ грядущемъ мнѣ
Гнѣвъ великаго супруга
И позоръ въ родной странѣ.

ТАИНСТВО.

Лью въ таинственную чашу
Драгоцѣнное вино.
Жизни новое звено
Я кую на радость нашу.

Мы за тихими дверьми
Волѣ Сущаго покорны.
Въ нѣдра пламень животворный,
Дѣва, съ трепетомъ прими.

НЕДОСТУПНОЕ.

Въ сліяніи устъ, въ сплетеньи жадныхъ рукъ,
Въ безумьи ласкъ мы тяжко изнываемъ.
Напрасно все. За гранью темныхъ мукъ
Есть высшій мигъ. Но онъ непознаваемъ.

Уста отъ устъ безсильно отпадутъ.
Затихнетъ стонъ. Расторгнутся объятья.
И вновь тоска. И снова бѣгъ минутъ.
И это—все! Ничтожество! Проклятье!

СЪ ТИХИМЪ СТОНОМЪ УПАЛА...

Съ тихимъ стономъ упала на пушистый коверъ
И въ мерцающемъ взорѣ отразила мой взоръ.

Задрожавшія руки неразрывно сплелись.
Улетѣли мгновенья въ недоступную высь.

Ярко искрились звѣзды, зацвѣтали цвѣты,
За окномъ надъ куртиной шелестѣли кусты...

А съ далекаго неба въ этотъ радужный часъ
Чьи-то скорбныя очи все глядѣли на насъ,

Безконечно прощая, безгранично любя
И грустя, и страдая... за меня, за тебя.

ОДИНОЧЕСТВО.

Только свѣтлый мигъ угасъ,—
И опять у нашихъ глазъ,
Какъ бездонный водоемъ,
Одиночество вдвоемъ.

Наяву, или во снѣ
Проносилось въ вышинѣ
Дуновенье тайныхъ силъ,
Трепетанье бѣлыхъ крылъ?

И сіяла и цвѣла
Зачарованная мгла
И звучало въ глубинѣ:
«Я въ тебѣ, и ты во мнѣ».

Мигъ волшебный отлетѣлъ...
Запахъ тлѣнья, запахъ тѣлъ...
Маска блѣднаго лица...
Неподвижность мертвеца...

Чья-то темная тоска...
Чья-то вялая рука...
Чье-то влажное плечо...
Кто-то дышитъ горячо...

Все ушло, ушло въ Ничто...
Кто насъ проклялъ?.. И за что?
Кто съ лучами слилъ туманъ,
Съ вѣчной правдой сплелъ обманъ?

Бѣдный другъ! Яснѣетъ ночь...
Отойди и скройся прочь!
Даль путей заграждена...
Я одинъ—и ты одна!

Мигъ ликующій угасъ,—
И опять у нашихъ глазъ,
Какъ бездонный водоемъ,
Одиночество вдвоемъ.

ЧАРЫ НОЧИ.

Въ душистой мглѣ угасли свѣчи,
Клубится мракъ въ тиши ночной.
Упали локоны на плечи
Благоухающей волной.

Уйди! уйди! Но ты блѣднѣешь...
Отъ устъ моихъ, горя въ огнѣ,
Ты оторвать уста не смѣешь.
Отдайся мнѣ! Отдайся мнѣ!

Однимъ восторгамъ, общей мукѣ
Мы жаждой тѣлъ обречены.
Однимъ порывомъ наши руки
Въ кольцо двойное сплетены.

И все таинственнѣй и тише
Колдуетъ ночь и дышитъ страсть
И намъ звучитъ велѣнье свыше
Тѣснѣй сомкнуться—и упасть.

Мы полночь стонами тревожимъ,
Мы пьемъ дыханье божества,—
И Тайна Тайнъ надъ нашимъ ложемъ,
Но кто пойметъ ея слова?

И кто пойметъ: какая сила
Зажгла сердца, какъ алтари,
И насъ въ ночи соединила
Для сладкихъ таинствъ—до зари.

Міры—въ свѣтящемся туманѣ,
Чертоги счастья—впереди,
А мы стоимъ на вѣчной грани
Съ безсильемъ въ трепетной груди.

Освобожденные случайно,
Куда направимъ свой полетъ?
Не дрогнетъ радостная тайна,—
И мигъ безплодно протечетъ.

Опредѣленное свершится...
Еще недолго мнѣ чужда,
Въ моихъ рукахъ ты будешь биться
Горя отъ муки и стыда,

Но въ жаждѣ новыхъ наслажденій
Ты вдругъ прильнешь ко мнѣ сильнѣй,—
И ночь сольетъ огни и тѣни
Надъ вѣчной тайною своей.

ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Зачѣмъ такъ близко къ ложу моему
Въ полночный часъ склонились ваши лица!
Уйдите прочь! Исчезните во тьму:
Ты, чистая,—ты, дьяволъ,—ты, блудница!

Напрасно блещутъ перлы вашихъ слезъ!
Напрасно вновь являются во мракѣ
И мраморъ плечъ, и золото волосъ,
И жадныхъ губъ алѣющіе маки!

Въ часы, когда ласкалъ я васъ, тѣсня
Покорныя слабѣющія груди,—
Вы жили мной, вы видѣли меня,
Я видѣлъ Рай, я жилъ мечтой о Чудѣ.

Такъ въ лѣтній день томится пилигримъ.
Но схлынулъ зной. Поля въ вечернихъ росахъ.
Онъ снова бодръ и снова передъ нимъ
Далекій путь и страннической посохъ.

Не знаю самъ, куда я принесу
Мятежный пылъ надеждъ и дерзновенiй,
Но я иду! И далеко внизу
Остались вы, пройденныя ступени.

Кого изъ васъ я могъ бы возвести
На грань земныхъ восторговъ и страданья!..
Такъ суждено! Я всѣмъ скажу: «прости»
И ни одной не молвлю: «до свиданья»!

ОБМАНЪ.

Печать гармоніи и образъ красоты.
Гдѣ жертвенный огонь? Гдѣ царская порфира?
Легенды ожили. Воскресли вновь для міра
Лаисъ и Галатей античныя черты.

О, Боже! Ты сказалъ: не сотвори кумира!
Но что на всей землѣ достойнѣе мечты?
Явите дивную въ величьи наготы,
Трепещущій рѣзецъ и пламенная лира!

Безумецъ! Приглядись: за маскою лица
Ни мысли, ни души. Разсчетливая злоба,
Разсчетливая страсть живого мертвеца.

Ликуетъ и царитъ бездушная утроба...
О, безпощадная иронія Творца!
О, яркіе цвѣты на черной крышкѣ гроба!

ТЕРПѢНІЕ.

Въ темномъ притонѣ продажныхъ блудницъ
Зналъ я твои равнодушныя ласки,
Видѣлъ твои утомленные глазки
Въ рамкѣ измятыхъ рѣсницъ.

Шли надъ тобою, какъ страшныя маски,
Тысячи звѣрскихъ мучительныхъ лицъ,
Бѣлыя стѣны угрюмыхъ больницъ
Злобно кричали о близкой развязкѣ.

Бѣдная фея!.. Безропотно пасть,
Вѣчно ни въ комъ не встрѣчать состраданья,
Всѣмъ расточать драгоцѣнную страсть,

Видѣть покорныхъ грудей увяданье,
Знать безысходность земного страданья,—
И небеса не проклясть!

РЕВНОСТЬ.

Проснулась утромъ спозаранку,
Надѣла траурный уборъ,
Изъ спальни вышла въ корридоръ,
Будила сонную служанку.

Вблизи окна, у темныхъ шторъ
Стояла. Слушала шарманку.
Открывъ комодъ, достала стклянку.
Прокралась лѣстницей, какъ воръ.

Брела походкою убитой...
Сняла вѣнчальное кольцо...
Потупивъ взоръ, вуалью скрытый,
Взошла тихонько на крыльцо,—

И, молча, влагой ядовитой
Плеснула въ женское лицо.

СТРАСТЬ.

Онъ молилъ, какъ рабъ, онъ рыдалъ въ углу...
Вѣчностью зіялъ мертвый часъ разлуки,—
И склонилась смерть къ блѣдному челу,
И легли въ крови трепетныя руки.

Онъ еще лежитъ, корчась, на полу...
Вся она дрожитъ въ сладкой темной мукѣ...
Радостно бѣжитъ въ уличную мглу,
Чутко сторожитъ уличные звуки.

Въ тихій старый домъ, опустивъ глаза,
Просится съ тоской голосомъ ребенка...
Слезы страстныхъ мукъ блещутъ, какъ роса;

— Милый! Ты сказалъ: «жду тебя, дѣвчонка!»
Гдѣ твоя постель? Вотъ моя краса!—
И трепещетъ вся. И смѣется звонко.

ЭКСТАЗЪ.

Мы бѣжали спастись, разойтись, отдохнуть,
Мы бросали свои баррикады...
Разрывая огнями туманную муть,
Грохотали и били снаряды.

Ты предстала, какъ смерть. Заградила нашъ путь,
Приковала смущенные взгляды,
Какъ тигрица, метнулась и бросила въ грудь:
— Оробѣли, трусливые гады?!

И никто не узналъ дорогого лица...
Но, сплотившись, подъ звуки напѣва,
Мы отхлынули прочь,—умирать до конца...

Грознымъ крикомъ великаго гнѣва
Въ пасть орудій ты бросила наши сердца,
О, Валькирія, страшная Дѣва!

ЮНОСТЬ.

На взморьѣ шумъ. Свѣтло и жарко.
Крутой тропинкой по горѣ
Сбѣгаетъ юная татарка
Въ цвѣтной узорчатой чадрѣ.

Глядитъ пугливо въ чащу парка:
Безлюденъ берегъ на зарѣ,
Лишь море въ пѣнномъ серебрѣ
Звенитъ, поетъ и свѣтитъ ярко.

Ахъ, хорошо въ тѣни скалы
Раздѣться, стать надъ пѣнной мутью,
Смѣяться морю и безлюдью,

Смотрѣть въ завѣсу дальней мглы,—
И смѣло прянуть смуглой грудью
На бирюзовые валы!

НЕВИННОСТЬ.

На курганѣ у рѣки
Блещутъ утреннія росы.
Тихо рѣютъ мотыльки,
Вьются бабочки и осы.

Пышетъ зной ея щеки.
Звонокъ смѣхъ. Густыя косы
Расплелись. А ноги босы.
А глаза, какъ васильки.

Я прижалъ къ себѣ мятежно,
Замирая отъ усилій,
Теплый мраморъ юныхъ ногъ.

А она лепечетъ нѣжно:
— Подожди! Изъ бѣлыхъ лилій
Я сплету тебѣ вѣнокъ.

ВЕСЕННЯЯ ИСТОРІЯ.

Я пришелъ къ тебѣ сегодня
Разсказать краснорѣчиво,
Какъ живутъ на свѣтѣ люди
Сильно, смѣло и красиво;

И какіе есть герои
Съ благородными сердцами,
Удрученные подагрой
И лавровыми вѣнцами;

Сколько книжекъ написали
Мудрецы-соціологи,
Развивая рядъ теорій,
Гдѣ самъ лѣшій сломитъ ноги.

И о женскомъ идеалѣ
Я хотѣлъ затронуть темы,
Какъ его опредѣляютъ
Соціальныя системы,

Пояснивъ, что въ женскомъ сердцѣ
Не должно быть вовсе мѣста
Пошлымъ радостямъ алькова
И куринаго насѣста...

Но едва ступилъ я въ двери,
Ты вспорхнула легче птички
И, позорно подчиняясь
Унизительной привычкѣ,

Позабывъ про все на свѣтѣ,
Мы смѣялись, обнимались,
А въ окно потоки солнца
Буйно, бѣшено врывались.

Волны воздуха дрожали
Тихой дремою и лѣнью,
Шмель гудѣлъ, носились пчелы
Надъ цвѣтущею сиренью,

Одуванчики купались
Въ тонкомъ вешнемъ ароматѣ
И малиновки звенѣли
Очень глупо и некстати.

И пришла пора разстаться...
Мнѣ досадно и неловко.
Я твержу, какъ древній цезарь:
— Побѣдила ты, плутовка!

Побѣдила ты, плутовка,
Но не стану унывать я:
Не всегда весна и пчелы,
Поцѣлуи и объятья.

Будетъ осень. Будетъ небо
Въ окна хмуриться слезливо,
И тогда ужъ я сумѣю
Разсказать краснорѣчиво,

Въ часъ вечерній у камина
Грѣя стынущія ноги,
Обо всемъ, про что писали
Мудрецы-соціологи,

Удрученные подагрой,
Ревматизмомъ и склерозомъ,
Обо всемъ, что недоступно
Птицамъ, пчеламъ и стрекозамъ.

КРАСОТКѢ.

Сбѣжавъ отъ сложныхъ ощущеній,
Отъ непонятно-тонкихъ грезъ,
Я страстный пылъ своихъ мученій
Тебѣ, красавица, принесъ.

Ни истерическихъ признаній
Въ притворно-горестномъ бреду,
Ни звучныхъ словъ, ни восклицаній
Я отъ тебя, мой другъ, не жду!

Любуясь втайнѣ смѣлой позой
И блескомъ юной наготы
Я не сравню тебя съ мимозой,
Стыдливо прячущей цвѣты.

Боготворить тебя — преступно,
Зато ласкать могу смѣлѣй.
Ты тѣмъ мила, что вся доступна
И чѣмъ доступнѣй, тѣмъ милѣй.

РАЗСВѢТЪ.

Дѣвушка стояла на восточной башнѣ.
Въ небѣ угасала блѣдная звѣзда.
Спали въ бѣлой дымкѣ и луга и пашни.
Тихо колыхалась сонная вода.

Крыльями звенѣли голуби на крышѣ.
Звучно крикнулъ коршунъ, въ воздухѣ паря.
Дымные туманы подымались выше.
Ярче разгаралась алая заря.

Въ небѣ трепетали тающіе звуки.
Дрогнула, пылая, неба глубина.
Дѣвушка къ востоку протянула руки:
Солнце! Солнце! Солнце! Ночь побѣждена.

БАЙДАРЫ.

Надъ Байдарами—буря, надъ Байдарами—тѣни,
Надъ Байдарами вѣтеръ тяжко ходитъ по скаламъ
И несутся толпою мимолетныхъ видѣній
Мутно-сизыя тучи надъ крутымъ переваломъ.

А на взморьѣ подъ солнцемъ золотятся долины,
Разсыпаются волны брилліантовой пылью
И сверкаютъ надъ пѣннымъ малахитомъ пучины
Разметавшихся чаекъ бѣлоснѣжныя крылья.

ГОРНЫЙ ЛѢСЪ.

Надъ зеленымъ царствомъ встали цѣпи горъ,
Голубого моря искрится просторъ,
Въ яркомъ блескѣ солнца спитъ сосновый боръ.

Въ воздухѣ клубится ароматъ смолы,
Высятся рядами желтые стволы,
Рѣютъ въ синемъ небѣ горные орлы.

Радостенъ и свѣтелъ, звонокъ и пѣвучъ,
Вьется узкой лентой серебристый ключъ,
Рѣзвый сынъ тумана и холодныхъ тучъ.

Вся трепещетъ свѣтомъ голубая даль,
Вѣетъ надъ душою тихая печаль,
И о чемъ-то грустно и чего-то жаль.

Солнце! Ты уходишь за лазурный сводъ!
Счастье! Какъ недологъ легкій твой полетъ!
Сердце, сердце, сердце!.. Кто тебя зоветъ?

АЛУПКА.

М. В. Дидерихсъ.

Многозвучный, многоцвѣтный,
Отсіялъ весенній день, —
И тропою непримѣтной
По горамъ спустилась тѣнь.

Гаснутъ пламенныя зори
Надъ горами въ вышинѣ,
Затуманенное море
Тихо плещетъ въ полуснѣ.

Точно бѣлая голубка,
Притаившись за холмомъ,
Дремлетъ тихая Алупка
Въ свѣтломъ сумракѣ нѣмомъ.

Лишь порой подъ ревъ сирены,
Подымая клубомъ пыль,
По дорогѣ на Лимены
Пролетитъ автомобиль;

Да въ прозрачномъ полусвѣтѣ
Четко виденъ, одинокъ,
Муэззинъ на минаретѣ
Тихо плачетъ на востокъ.

НОЧЬ ВЪ АЛУПКѢ.

Посмотри: яснѣетъ высь,
Волны въ морѣ улеглись,
Зачернѣли въ полумглѣ
Кипарисы на скалѣ.

Неба синяго просторъ
Выступаетъ изъ-за горъ,
На угрюмый минаретъ
Робко льется блѣдный свѣтъ.

Все яснѣетъ небосводъ...
По равнинѣ сонныхъ водъ,
Разливаясь и скользя,
Рѣетъ лунная стезя.

Тонетъ въ чащѣ каждый звукъ,
Только сердца слышенъ стукъ.
Тише! Тише! Этотъ часъ
Созданъ вѣчностью для насъ.

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ.

Съ Чернымъ моремъ, темнѣя, слились небеса.
Затуманилось Черное море.
Утонули турецкихъ фелюгъ паруса
Въ необъятномъ воздушномъ просторѣ.

Безпокойная ночь ожиданьемъ полна.
Волны дремлютъ тревожно и чутко.
На пустомъ берегу тишина, тишина...
Въ тишинѣ одиноко и жутко.

Гдѣ-то чайка кричитъ. Надвигается мракъ.
Ночь ползетъ по холмамъ молчаливымъ.
Блѣдно-желтымъ огнемъ засвѣтился маякъ
Надъ холоднымъ и темнымъ заливомъ.

Тишина, тишина... А въ туманной дали
Ужъ клокочутъ и пѣнятся воды
И средь молній растетъ отъ небесъ до земли
Черный призракъ морской непогоды.

АЙ-ПЕТРИ.

Здравствуй, гордый сынъ Тавриды!
Я иду къ тебѣ съ привѣтомъ.
Здравствуй, мощный и безмолвный
Царь холодный вышины,
Отъ вершины до подножья
Озаренный луннымъ свѣтомъ,
Величавый, точно замокъ
Заколдованной страны!

Въ глубинѣ твоихъ проваловъ
Спятъ кочующія тучи
У твоихъ зеленыхъ сосенъ
У твоихъ орлиныхъ гнѣздъ,—
И стоишь ты въ южномъ небѣ,
Молчаливый и могучій,
Въ созерцаньи синей шири
И холодныхъ вѣчныхъ звѣздъ.

На поляхъ моихъ далекихъ
Много тихаго простора,
Много прелести убогой
На раздольѣ желтыхъ нивъ,
Но тебя недоставало
Для тоскующаго взора
И томился я душою,
Очи къ югу устремивъ...

Здравствуй, гордый сынъ Тавриды!
Я иду къ твоимъ стремнинамъ,
Затеряться и забыться
Въ вѣковыхъ твоихъ лѣсахъ,
Гдѣ поетъ и стонетъ вѣтеръ,
Пробѣгая по вершинамъ,
И дрожатъ потоки свѣта
Въ бирюзовыхъ небесахъ.

ВЕЧЕРЪ ВЪ МИСХОРѢ.

Бѣлоснѣжныя чаши магнолій
Заалѣли въ сіяньи заката,
Теплый сумракъ воздушныхъ раздолій
Напояя волной аромата.

И синѣютъ безгранныя дали,
И померкли заливы и мысы,
И, какъ тѣни могильной печали,
Молчаливо стоятъ кипарисы.

А за ними далекія горы
Поднялись въ очертаньяхъ знакомыхъ
И тускнѣющихъ красокъ узоры
Умираютъ на горныхъ изломахъ.

НАБЕРЕЖНАЯ.

Ревъ сиренъ, то глуше, то звучнѣе,
Ночи мракъ, то рѣже, то плотнѣй,—
А вдали неспящая аллея
Въ паутинѣ бликовъ и тѣней.

Мукой боли, судорогой страсти
Вся дрожитъ полуночная мгла
И дверей зіяющія пасти
Жадно ловятъ женскія тѣла...

ЮЖНОЕ МОРЕ.

Ты помнишь южное море?
Тамъ тѣни ложатся у скалъ
И пѣнится въ свѣтломъ просторѣ
Малахитовый валъ.

Тамъ песокъ золотой и горячій,
И какъ жемчугъ,—прибой,
И парусъ рыбачій
Тамъ тонетъ въ дали голубой.

А ночью въ скалахъ пустынныхъ
Отзываются всплески волны,
И краббы на отмеляхъ длинныхъ
Пробѣгаютъ при свѣтѣ луны.

СЪ БЕРЕГА.

Жаркій полдень въ улицахъ капрійскихъ
Дышитъ солнцемъ, моремъ и весной,
А вдали на высяхъ Калабрійскихъ
Снѣгъ яснѣетъ мертвой бѣлизной.

Но и тамъ струится на предгорья
Теплый вѣтеръ. Ласковый прибой
Льнетъ къ землѣ,—и широко у взморья
Рѣетъ свѣтъ воздушно-голубой.

PICCOLA MARINA.

(Капри).

Надъ моремъ цѣлый день проходятъ облака
Сквозныя, легкія, румяныя отъ солнца.
Закатные лучи скользятъ издалека
И сыплютъ по волнамъ горячій блескъ червонца.

Подъ камни бьетъ волна жемчужной чешуей,
На камняхъ стелется, какъ хризолитъ сквозистый,
А внизъ сливается кипящею струей:
Въ ней золото горитъ и брыжжутъ аметисты.

И пѣна легкая, какъ нѣжный бѣлый газъ,
Течетъ по заводи надъ гладью малахита.
Оттѣнковъ — тысячи, но ихъ не видитъ глазъ:
Все блещетъ, все кипитъ и все чудесно слито.

Струится легкій бризъ. Подъ гаснущимъ лучомъ
Яснѣй рисуется холмистая вершина,
Обрывы желтыхъ скалъ, вѣнчанные плющемъ,
И бѣлые столбы на villa Serafina.

Мелькаютъ паруса. Песчаный берегъ пустъ.
Горитъ и свѣтитъ даль лазурью и опаломъ
И вѣетъ свѣжестью дыханье мощныхъ устъ,
Отъ пѣнистыхъ валовъ бѣгущее по скаламъ.

ДОРОГА НА АНАКАПРИ.

Ущелья, скалы и кусты
Покрылъ туманъ сквозистой мутью
И вѣетъ холодомъ и жутью
Отъ темной горной высоты.

Не видно звѣздъ. Лежитъ кругомъ
Полночный мракъ, сырой и сонный.
Едва горитъ въ скалѣ Мадонны
Лампада тусклымъ огонькомъ.

И только дальній стукъ шаговъ
Въ молчаньи ночи ловитъ ухо,
Да волны сумрачно и глухо
Шумятъ у черныхъ береговъ.

НА ВЗМОРЬѢ.

Что за ночь! Какъ чутко спятъ заливы!
Милый другъ, постой: еще не поздно.
Дремлютъ мирты, лавры и оливы,
Даль ясна, ночное небо звѣздно.

Сыплютъ блескъ алмазы Оріона.
Меркнутъ скалы. Море фосфорится.
Въ свѣтломъ снѣ — до граней небосклона
Тайна жизни радостно творится.

БОЛОНЬЯ.

На дачной станціи въ вагонѣ
Я встрѣтилъ день. Сверкалъ въ росѣ
Зеленый лугъ на горномъ склонѣ
И виллы дремлющей Болоньи
Яснѣли въ желтой полосѣ.

Въ окно тянуло померанцемъ.
Толпились дѣвушки вокругъ
И день сіялъ густымъ румянцемъ
Ихъ лицъ, волосъ ихъ синимъ глянцемъ
И смуглотою крѣпкихъ рукъ.

Чему-то весело и звонко
Онѣ смѣялись. Въ пестрый хоръ
Сливались смѣхъ, и крикъ ребенка,
И звукъ трубы поющей тонко,
И берсальеровъ разговоръ.

Рождалась жизнь въ огнѣ разсвѣта.
Кипя, волнуясь и спѣша,
Она звала, ждала отвѣта,—
И блескомъ утреннимъ согрѣта
На зовъ откликнулась душа.

И сердцу мнилось: люди эти
Живутъ, восторга не тая,
Какъ Божьи ангелы, какъ дѣти,
Впивая въ утреннемъ разсвѣтѣ
Святую радость бытія.

КАТАКОМБЫ.

Агнца Божія проповѣдавше
и заклани бывше якоже агнцы...

Беззвучный шопотъ бѣлаго монаха.
Огонь свѣчи. Таинственная тишь.
Угрюмый сводъ, — и влажный запахъ праха
Изъ влажной тьмы пустыхъ открытыхъ нишъ.

Лишь изрѣдка надъ узкою пещерой
Блеснетъ лазурь. Со свѣтлой высоты
На пыль вѣковъ, на мраморъ темно-сѣрый,
Склонясь, глядятъ колючіе кусты.

Едва мелькнетъ въ далекихъ корридорахъ
Неясный свѣтъ дрожащихъ огоньковъ,—
И снова мракъ. И молкнетъ робкій шорохъ
Во мракѣ умирающихъ шаговъ.

Подъ нишами на тусклыхъ сѣрыхъ плитахъ
Наивныя эмблемы Божества;
Надгробія страдальцевъ позабытыхъ,
Простыхъ молитвъ смиренныя слова...

Слова любви, прощенья... Съ тайной дрожью
Гляжу на нихъ, не мысля, не дыша...
О, вѣчный Римъ! Какъ трепетно къ подножью
Твоихъ святынь склоняется душа!

МАТЕРИ-ЗЕМЛѢ.

Въ часы безцѣльныхъ вожделѣній
На утрѣ юношескихъ дней
Я зналъ завѣтный край видѣній,
Влекущихъ звуковъ и огней.

И мнѣ въ мистическомъ туманѣ
Сквозь тонкій радужный покровъ
Сіяли призрачныя грани
Недосягаемыхъ міровъ.

Къ ихъ красотѣ, нѣмой и лживой,
Отъ дольныхъ радостей и слезъ
Я убѣгалъ, какъ рабъ лѣнивый
Отъ невоздѣланныхъ полосъ...

Но вотъ глаза мои прозрѣли;
Видѣнья скрылись въ пустоту,—
И я позналъ иныя цѣли,
Иныхъ стремленій красоту.

Томясь въ поту, въ полдневномъ знoѣ,
Влачась во прахѣ и въ пыли,
Я весь земной, люблю земное
И славлю радости земли!

Земля!.. Кто въ силахъ мнѣ отвѣтить:
Когда я смертнымъ сномъ усну?..
Но дай, о мать, восторгомъ встрѣтить
Мою послѣднюю весну!

Небесный сводъ въ лучистыхъ звѣздахъ
Раскинь надъ сумракомъ полей!
Взрасти цвѣты,—и вешній воздухъ
Благоуханіемъ налей!

Его цѣлительнымъ причастьемъ
Меня, больного, причасти
И освѣти послѣднимъ счастьемъ
Мои послѣдніе пути!

И у преддверія могилы,
У зѣва Вѣчности нѣмой
Пошли мнѣ, гаснущему, силы
Итти дорогою прямой:

Слѣдить восторженно и чутко,
Какъ первый грибъ въ бору растетъ,
Какъ зацвѣтаетъ незабудка
На свѣжей зелени болотъ;

Какъ голубѣетъ и трепещетъ
Небесъ широкій кругозоръ,
Алмазной зыбью ярко блещетъ
Живая гладь лѣсныхъ озеръ,

Луга цвѣтутъ,—а надъ лугами,
Какъ одинокая свирѣль,
Плыветъ незримыми кругами
Степного жаворонка трель.

БЕРЕЗЫ.

Любите вы Сѣверъ, бѣлыя березы:
Вешніе разливы, зимнюю мятель,
Радужныя зори, утреннія росы,
Жаворонка трель,

Теплые туманы, свѣжій сочный клеверъ,—
Все, что сердцу снится здѣсь, въ чужомъ краю...
Бѣлыя березы, любите вы Сѣверъ,
Родину мою.

МАРТЪ.

На Алексѣя съ горъ потоки...
Сквозь тучи просини горятъ.
Мутны, игривы и глубоки,
Ручьи весенніе звенятъ.

Ужъ по холмамъ на голыхъ скатахъ
Темнѣетъ бурая трава,
И ярче западъ на закатахъ,
И глубже неба синева,

И зори ясны и багряны
И на востокѣ поутру
Сквозные блѣдные туманы
Ведутъ волшебную игру.

Дни тихи. Капаютъ капели.
Къ полудню сыро и тепло.
Узоръ смолы на темной ели
Блеститъ, какъ желтое стекло.

Пушатся вербы: имъ не страшенъ
Морозъ въ безвѣтренной ночи.
По мягкимъ комьямъ черныхъ пашенъ
Гуляютъ черные грачи.

Покинувъ зимнія жилища,
Снуютъ голодные хорьки,
Звончѣй и радостнѣй и чище
Поютъ-горланятъ пѣтухи.

И всюду сладкое томленье,
И всюду свѣтлая тоска,
И тайна вѣчнаго рожденья
Душѣ понятна и близка.

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Ночь, не ночь... Луна въ туманномъ маревѣ
Блѣдной тѣнью бродитъ въ небесахъ.
Ясный западъ мрѣетъ въ аломъ заревѣ,
Бѣлый паръ колышется въ лѣсахъ.

Мирно спятъ трущобы непробудныя.
А въ поляхъ алмазами росы
Серебрятся травы изумрудныя
И блестятъ зеленые овсы.

Спать не спишь, а сладко-жарко маешься:
Къ свѣтлымъ окнамъ молча подойдешь,
Тихой думѣ нѣжно улыбаешься
И чего-то радостнаго ждешь.

Ждешь, какъ прежде, праздника зеленаго
На разсвѣтѣ Троицына дня.
Въ тайныхъ нѣдрахъ сердца истомленнаго
Чей-то шопотъ носится, звеня.

Небо вѣетъ радостными сказками,
Вѣчной тайной синей глубины,
А земля — дѣвическими ласками
И прощальной прелестью весны.

Поглядишь: съ восхода загорается
Алый свѣтъ, яснѣетъ и дрожитъ.
Въ эту ночь заря съ зарей встрѣчается,
Тихій вечеръ утро сторожитъ,

Ласки солнца ждетъ земля туманная,
Съ темнымъ лѣсомъ шепчется вода...
Только намъ съ тобой, моя желанная,
Не встрѣчаться больше никогда.

ЗЕМЛЯ ЦВѢТЕТЪ.

Земля цвѣтетъ. Въ зеленой пущѣ
Одѣлись влажные бугры.
Что ночь,—туманнѣе и гуще
Плывутъ весенніе пары.

И долго въ солнечныхъ объятьяхъ
Ты не устанешь трепетать,
Неистощимая въ зачатьяхъ
Моя таинственная мать!

И долго въ мукахъ темной страсти
Я вешней ночью не усну:
Мой духъ — въ твоей всесильной власти,
Въ твоемъ томительномъ плѣну.

И въ смѣнѣ дней, въ кругу явленій
Мнѣ неразгаданно-близка
Твоихъ весеннихъ вождѣленій
Неутолимая тоска.

СѢВЕРНЫЕ СНЫ.

По лазури потемнѣлой
Тѣнью тусклой и несмѣлой
Проплываютъ облака.
Въ вышинѣ надъ синей бездной
Тихо стелетъ пологъ звѣздный
Ночи темная рука.

Рѣки спящія облиты,
Дали мутныя повиты
И холмы озарены
Точно кружевомъ волшебнымъ,
Свѣтомъ блѣднымъ и враждебнымъ
Затуманеной луны.

Весь наполненъ грезой ложной
Темный часъ тоски тревожной,
Чуждый небу и землѣ...
Гдѣ-то мѣрно, однозвучно,
Одиноко и докучно
Стонетъ колоколъ во мглѣ.

Точно жалобой унылой
Надъ невѣдомой могилой
Льется долгою волной
Звонъ протяжный, погребальный,
Звонъ полночный, звонъ печальный,
Безотвѣтный и больной.

На заснувшіе курганы
Лѣзутъ бѣлые туманы
Изъ дымящихся болотъ
И проснувшіяся травы
Пьютъ болотныя отравы.
Меркнутъ зори. Ночь идетъ.

НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРѢ.

На зарѣ догорающей
Выхожу на крыльцо:
Мнѣ прохладой ласкающей
Вѣетъ сумракъ въ лицо.

Какъ лампады вечернія,
Въ небѣ звѣзды зажглись.
Все синѣй и безмѣрнѣе
Свѣтозарная высь.

Ароматами росными
Напоенная мгла
Подъ высокими соснами
Неподвижно легла.

И тоскливая, странная
Надвигается тѣнь
На равнины туманныя,
На огни деревень.

Тихо травы колышатся
У крыльца моего...
Колокольчики слышатся...
Я не жду никого.

ОГОНЕКЪ.

Душенъ лѣтній вечеръ. Даль небесъ объята
Мертвымъ мутнымъ свѣтомъ блѣднаго заката.
Вьется путь въ туманахъ. Колокольчикъ плачетъ.
На лѣсной опушкѣ огонекъ маячитъ.

Огонекъ дрожащій, огонекъ далекій...
Радость прожитая... Путь мой одинокій...
Кто тоску развѣетъ? Только вѣтеръ въ полѣ,
Только ночь да тучи... Погоняй же, что ли!

У ОКНА.

Лѣтній вечеръ ясенъ, тихъ и дологъ.
Призракъ ночи прячется въ лѣсахъ
И зари пурпурно-желтый пологъ
Высоко раскинутъ въ небесахъ.

Садъ застылъ въ таинственномъ покоѣ.
Холодѣютъ росы. Подъ окномъ
Пряно пахнутъ блѣдные левкои
И кусты, обвѣянные сномъ...

О, какъ ясно небо! Какъ чудесенъ
Свѣтлый сонъ! До утреннихъ часовъ
Буду ждать разсвѣтныхъ птичьихъ пѣсенъ
И людскихъ веселыхъ голосовъ.

И подъ шелестъ листьевъ полусонныхъ
Буду грезить ярко и свѣтло
О веснѣ, о дѣвушкахъ влюбленныхъ,
Обо всемъ, что въ сердцѣ зацвѣло.

ВЪ БОРУ.

Дикій боръ. Изъ темной чащи
Вѣетъ сыростью лѣсной.
Ароматнѣе и слаще
Пахнетъ свѣжею сосной.

Изъ трущобы перелѣскомъ
На открытыя поля
Въ синемъ небѣ съ тихимъ плескомъ
Протянули дупеля.

И надолго тихо снова.
Вдругъ раздастся легкій хрустъ
И орѣшника густого
Шевельнется темный кустъ.

Тѣнью желтой и пушистой
Бѣлка прыгнетъ на сосну
И дорогою смолистой
Унесется въ вышину.

И засохшія остинки
Густо сыплются съ вѣтвей
Вдоль протоптанной тропинки
У извилистыхъ корней.

КОСОВИЦА.

«Коси, коса, пока роса,
Роса долой, — и мы домой».
Шуршитъ трава, звенитъ коса
И небо блещетъ синевой.

Едва на утренней зарѣ
Зажглись алмазы бѣлыхъ росъ,—
Ужъ по лугамъ и на горѣ
Трепещутъ взмахи синихъ косъ.

Въ прозрачной желтой полосѣ
Не видно солнца. День далекъ.
А ноги вымокли въ росѣ
И пробираетъ холодокъ.

Зато спорчѣй идетъ коса
Въ травѣ холодной и сырой...
«Коси, коса, пока роса,
«Роса долой,—и мы домой».

Іюль.

Горитъ заря. Подъ лѣсомъ вдоль опушки
Какъ бѣлый дымъ ползетъ ночная мгла.
За ближней рощей квакаютъ лягушки
И въ перебой кричатъ перепела.

Куда ни глянь: съ востока до заката
Лежитъ въ поляхъ туманная теплынь.
Въ густой травѣ сильнѣе пахнетъ мята,
Цвѣтутъ шалфей, ромашка и полынь.

Въ глуши болотъ пронзительно и тонко
Звенитъ-поетъ ночная мошкара
И крикъ совы, какъ жалкій плачъ ребенка,
Тревожитъ лѣсъ. Теперь ея пора.

Надъ гладью водъ недвижной и глубокой
Дымится паръ прохладный и сѣдой...
Тамъ утки спятъ подъ свѣжею осокой,
Какъ поплавки, качаясь надъ водой.

Крикъ пѣтуха пронесся отъ задворка...
А ночь плыветъ туманна и тепла...
За темной рощей свѣтитъ хлѣбозорка *)
И до зари кричатъ перепела.

*) Іюльская зарница.

Нынче въ полѣ мутно, влажно.
Слѣдъ чуть виденъ по росѣ.
Стонутъ совы — и протяжно
Коростель скрипитъ въ овсѣ.

Свѣтомъ тусклымъ и зеленымъ
Задремавшій долъ облитъ
И круги надъ темнымъ кленомъ
Мышь летучая чертитъ.

Лѣсъ таинственно чернѣетъ,—
И высоко надъ селомъ
Въ мутномъ небѣ полночь рѣетъ
Мягкимъ трепетнымъ крыломъ.

ЗАРНИЦЫ.

Темнѣетъ даль на сѣверѣ.
Туманы налегли.
Въ сыромъ душистомъ клеверѣ
Кричатъ коростели.

Подъ яркими Стожарами
За мглой лѣсныхъ границъ
Широкими пожарами
Горятъ огни зарницъ.

Сквозь тучи льется струями
Огнистая волна
И неба поцѣлуями
Вся ночь обожжена.

Не Богъ ли тамъ за тучами
Въ надвинувшейся мглѣ
Съ объятьями могучими
Склоняется къ землѣ?

Сверкаетъ и проносится
Далекая гроза
И пѣсня къ сердцу просится,
А слезы — на глаза.

СВѢТЛЫЙ ЗНОЙ.

Въ неподвижномъ свѣтломъ зноѣ
Спятъ зеленые луга,
Спитъ и озеро лѣсное,
Отражая берега.

Надъ песчанымъ косогоромъ
Четко сосны поднялись,
Уходя рѣзнымъ узоромъ
Въ голубѣющую высь.

Заводь сонная трепещетъ,
Точно зыбкое стекло,
Въ свѣтлой влагѣ тихо плещетъ
И купается весло.

Въ нѣгѣ сладкаго безсилья
Надъ зеркальной глубиной
Я плыву, — и чьи-то крылья
Мягко вѣютъ надо мной.

И журчитъ волна, далеко
Расплываясь за кормой,
И бѣжитъ-бѣжитъ осока
Изумрудною каймой.

Вотъ навѣсъ ея зеленый
Раздвигается, шурша...
И въ объятья грезы сонной
Опускается душа.

Свѣтлый зной течетъ дремотно...
Лягу. Весла уроню.
И отдамся безотчетно
Солнцу, воздуху и дню.

БОРЪ.

За чернымъ боромъ пѣли пѣтухи.
Осенній вѣтеръ плылъ по перелѣскамъ
И влажные серебряные мхи
Въ глуши болотъ дрожали тусклымъ блескомъ.

Зловѣщая багровая луна
Всходила въ высь. Прогалины свѣтлѣли.
Какъ сквозь узоръ литого чугуна,
Огромный дискъ краснѣлъ сквозь вѣтви ели.

И просѣка широкая вела
Куда-то вдаль — загадочно и прямо.
И сумрачно дышала полумгла
Величіемъ невѣдомаго храма.

МОГИЛЬНЫЯ ТРАВЫ.

Въ полночь, тусклымъ мѣсяцемъ озаренныя,
Шепчутъ надъ могилами травы сонныя:

— Тяжко намъ! Подъ соснами, между плитами
Мы взросли поникшими, позабытыми...
Только ляжетъ по-небу полночь мутная,—
Нежить просыпается безпріютная:
Оборотни мечутся, стонутъ, ухаютъ,
Упыри голодные землю нюхаютъ,
Насъ пугаютъ хохотомъ злые филины,
Мы тоской могильною обезсилены...

Въ полночь, мертвымъ мѣсяцемъ озаренныя;
Шепчутъ надъ могилами травы сонныя.

ЖАБЫ.

Густой туманъ сквозь чахлые кусты,
Клубясь, ползетъ на сонное болото.
Застыло небо. Съ мертвой высоты
Луна глядитъ — и точно ждетъ чего-то.

Безмолвна ночь. Но вотъ у влажныхъ пней
Родился звукъ. Томительный и слабый,
Онъ ширится, становится яснѣй,
Плыветъ къ лунѣ. То пробудились жабы.

Среди трясинъ, гдѣ слышенъ частый плескъ,
Вода кипитъ и брыжжетъ бѣлой пылью.
Онѣ поютъ. Ихъ грѣетъ лунный блескъ.
И полночь дышетъ дремою и гнилью.

ПОГОСТЪ.

Сумрачныя ели, да кресты погоста,
Да курганъ песчаный, да дорога—въ поле.
Все вокругъ безмолвно, все убого, просто...
Но какъ много грусти и какъ много боли!

Или скорбь земная и въ могилахъ снится?
Оттого, быть можетъ, въ тягостномъ покоѣ
Воздухъ цѣпенѣетъ — и едва струится
Ладанъ смолъ еловыхъ въ мертвой темной хвоѣ.

ТРЯСИНА.

Небо блѣдное, нѣмое
Смотритъ съ высоты.
Грустно вянутъ въ душномъ зноѣ
Ржавые цвѣты.

Рядомъ съ чахлою осокой
Папоротникъ, мохъ,
Стоны иволги далекой,
Вѣтра тихій вздохъ.

Воды мертваго болота,
Рядъ больныхъ осинъ...
Въ душу темная дремота
Вѣетъ изъ трясинъ.

БАБЬЕ ЛѢТО.

Тихо въ чащѣ. Ласковая осень
Золотитъ березъ поблекшій листъ.
Даль прозрачна. Воздухъ свѣжъ и чистъ,
Но блѣдна задумчивая просинь.

Отъ болота соннаго кругомъ
Вѣетъ хвоей, сыростью и гнилью.
Дождевикъ, задѣтый сапогомъ,
Обдаетъ сухой, зеленой пылью.

Грустно блекнутъ травы и цвѣты...
И вокругъ ни трепета, ни зноя,—
Лишь одно сіянье красоты,
Красоты послѣдняго покоя.

НА ОХОТУ.

Стучитъ и скрипитъ одноколка
И фыркаетъ конь на бѣгу,
А сѣрая лента проселка
Змѣится въ широкомъ лугу.

Бѣжитъ на пески косогора,
Темнѣетъ, ложась въ зеленя,
И къ чащамъ далекаго бора
Влечетъ и уноситъ меня.

Ужъ полдень. Въ туманѣ нагрѣтомъ
Свѣтлѣютъ заливы озеръ,
И трепетнымъ матовымъ свѣтомъ
Широкій налитъ кругозоръ.

Деревня. Дымятся овины.
По вѣтру пахнуло жильемъ.
Тяжелыя кисти рябины
Краснѣютъ за старымъ плетнемъ.

Гудитъ равномѣрно и дробно
Немолкнущій грохотъ цѣповъ
И псы заливаются злобно,
Мелькая по грудамъ сноповъ...

И снова поля, перелѣски,
Озеръ неподвижная сталь
И въ мягкомъ разсѣянномъ блескѣ
Цвѣтная осенняя даль.

ПОЗЕМКА.

Крутится поземка по густому лѣсу:
Сѣетъ надъ кустами снѣжную завѣсу,
Будитъ-заметаетъ сонныя трущобы,
Вѣетъ-навѣваетъ мягкіе сугробы.

Хоть бы мѣсяцъ съ неба глянулъ бѣлой плѣшью...
Въ ночь по бездорожью ни конемъ, ни пѣшью.
Замело поземкой вѣшки-невелички,
Сбился, — и пріѣхалъ къ чорту на кулички.

Только волчьи стаи бродятъ лѣсомъ темнымъ.
Холодно бродягамъ. Голодно бездомнымъ.
Выйдутъ на опушку, вслушаются чутко,
Сядутъ, — и завоютъ жалобно и жутко.

БѢЛОРУССКАЯ ДОРОГА.

Тучи да вѣтеръ. На черной дорогѣ
Гати, живые мосты.
Тускло блеститъ молодикъ круторогій,
Мрачно темнѣютъ кусты.

«Эй, Капитонъ! Погоняй же ты, лѣшій!..»
— Что тамъ? Куда погоню?
Этакимъ шляхомъ не ходитъ и пѣшій,—
Гдѣ жъ тутъ проѣхать коню.

— Что потащился ты, глядя-то на ночь?
Далъ бы хоть людямъ покой!
Къ нашимъ дорогамъ приставленъ Степанычъ,
Членъ, что ли, земскій такой.

— Ловкая шельма! Живетъ и не тужитъ...
Ну, а дороги — того.
Вотъ какъ подъ осень намокнетъ, разлужитъ,—
Тутъ и вспомянешь его.

— Маешься... Коней зарѣжешь до смерти,
Либо увязнешь, — хоть брось...
Что за оказія? Стойте вы, черти!
Вылазь, братъ. Лопнула ось.

ПѢСЕНКА.

Стану — гляну изъ окошка
На зелененькій лужокъ:
Заросла туда дорожка,
Гдѣ мой миленькій дружокъ.

Проложу себѣ дорожку
Огородомъ черезъ тынъ,
На капусту, на картошку,
За сараи, за овинъ.

Кто и видѣлъ,—не узнаетъ:
Густо рощица растетъ.
Въ рощѣ милый повстрѣчаетъ,
Крѣпко за руку возьметъ.

— Не плети мнѣ эти байки,
Что до ночи меня ждешь!
Ты скажи мнѣ безъ утайки,
Скоро-ль въ церковь поведешь?

Обнимаетъ, прижимаетъ,—
Помутилось въ головѣ.
Пошатнулась, протянулась
На зеленой муравѣ.

Все, что было, — позабыла,
Что просилъ онъ, — то дала,
Полежала да и встала,
Посидѣла да пошла!..

Тучи — къ звѣздамъ, птицы — къ гнѣздамъ,
Быстра рѣчка — къ бережку,
Овцы — къ соли, козы — къ волѣ,
А я — къ милому дружку.

БОЖІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Бредетъ проселочной дорогой
Зимой въ опоркахъ, лѣтомъ босъ,
Высокій, стройный, тонконогій,
Съ копной нечесаныхъ волосъ.

Смѣются радостно и кротко
Большіе, синіе глаза.
Прямая русая бородка
Густа, какъ дѣвичья коса.

До первыхъ звѣздъ по темнымъ чащамъ
Бредетъ, не зная самъ, — куда,
Внимая весело звенящимъ
Напѣвамъ чернаго дрозда.

Идетъ звѣриною тропою,
Гдѣ дремлетъ сумрачная ель,
Гдѣ съ яркой свѣжею листвою
Переплелся кудрявый хмѣль,

Гдѣ крикъ гусей несется внятно,
Спускаясь съ неба до земли,
И, нѣжась, солнечныя пятна
На зелень влажную легли...

Весь день идетъ, поетъ припѣвки,
Беретъ грибы, плететъ вѣнки.
Встрѣчаясь съ нимъ, хохочутъ дѣвки
Надъ нимъ смѣются мужики:

— Такую взялъ себѣ охоту!
Лѣнивъ, — хоть бей его коломъ,
Весь вѣкъ не ходитъ на работу!
Прямое дѣло, — дуроломъ.

— Молиться, — молится помногу,
Ребятамъ сказываетъ сны,
А въ храмъ нейдетъ: «Забылъ дорогу!»
Поповъ пугается: «Черны»!

— Не воръ, не пьяница. Чудачитъ,
А не обидитъ никого.
Поетъ, поетъ... А то заплачетъ.
Пускаемъ на ночь. Ничего!

— Часокъ поспитъ. А день засвѣтитъ, —
Вскочилъ, и тягу изъ села.
«Чего ты?» — спросишь. Онъ отвѣтитъ:
«А нонечь зорька весела!»

—«Куда пойдешь?» А онъ: «Не видно,—
Кричитъ: «отселѣ далеко!..»
И то сказать: порой завидно!
Живетъ онъ больно ужъ легко.

— Вѣдь, мы-то пашемъ, мы-то сѣемъ,
А онъ шатается весь вѣкъ.
Не зря крестили Алексѣемъ!
Извѣстно — Божій человѣкъ.

УХАРЬ.

Веселъ, шапка на затылкѣ,
Красенъ, какъ индюкъ.
Смотритъ горлышко бутылки
Изъ кармана брюкъ.

Пиджачокъ его коротокъ,
Грязенъ и прожженъ,
И штиблеты безъ подметокъ,
Да зато—фасонъ!

Гдѣ ни ступитъ, что ни скажетъ,—
Дрянь и срамота!
Деревенскимъ дѣвкамъ мажетъ
Дегтемъ ворота;

Мать, убогую старушку,
Гонитъ со двора,
Тычетъ въ шею, хлещетъ въ ухо:
«Въ гробъ тебѣ пора!»

Матерщиной поливаетъ
Дѣда-старика;
Бабъ замужнихъ зазываетъ
Въ двери кабака...

Годъ на волѣ,—годъ въ острогѣ.
Шляясь въ деревняхъ,
Мерзнетъ, пьяный, на дорогѣ,
Тонетъ въ полыньяхъ,

Лютой хворостью недуженъ,
Смертнымъ боемъ битъ,—
А живетъ! Чертямъ не нуженъ,
Богомъ позабытъ.

ВѢДЬМА.

Вышла въ поле на зарѣ.
Травы въ росномъ серебрѣ
На пригоркахъ просыпались.
У сосѣдокъ во дворѣ
Пѣтухи перекликались.

Нахлобучила платокъ,
Заплела плотнѣй онучи,
И тропой пошла въ лѣсокъ,
Озираясь на востокъ,
Гдѣ въ зарѣ купались тучи.

Съ тайной тихой ворожбой
Рвала мяту, звѣробой,
И не чуяла старуха,
Какъ въ кустахъ между собой
Мужики шептались глухо:

— Глянь-ка: травки и сума...
Вишь ты чортова кума!
То-то озими не всхожи,
До Егорья вплоть зима,
А Петровки непогожи...

— И опять—же скажемъ, хворь
Пятерыхъ въ селѣ скосила...
Все отъ вѣдьмы, какъ ни спорь...
Вишь, колдуетъ съ первыхъ зорь...
Эка дьявольская сила!

КОНОКРАДЪ.

Безъ пояса, въ драной рубахѣ,
Съ кровавымъ рубцомъ на щекѣ,
Въ предсмертномъ томительномъ страхѣ
За ригой на влажномъ пескѣ

Метался подъ взмахами палки,
Свивался, какъ сѣрый паукъ,
И были безсильны и жалки
Движенья закрученныхъ рукъ.

Пьянящее бѣшенство злости
Гудѣло надъ соннымъ селомъ.
— «Попался!» — «Пожаловалъ въ гости!»
— «Коломъ лиходѣя, коломъ!»—

Откинувши полы тулупа,
Животъ подтянувъ кушакомъ,
Хозяинъ размѣренно-тупо
Гвоздилъ бѣглеца каблукомъ.

А сынъ наклонился съ оглядкой,
Колѣномъ уперся въ песокъ
И, молча, тяжелой свинчаткой
Хватилъ конокрада въ високъ.

И рухнулъ онъ мягко и вяло
И замеръ на взрытой землѣ.
Дыханье въ груди клокотало,
Какъ влага въ закрытомъ котлѣ.

И только глаза не мигая
Смотрѣли въ кровавую грязь,
Тускнѣя, въ слезахъ застывая
И точно чему-то дивясь.

ПѢСНЯ О КОРОЛѢ-КУПОНѢ.

Высоко надъ цѣлымъ свѣтомъ
Золотой вознесся тронъ
И сидитъ на тронѣ этомъ
Властелинъ король Купонъ.

А внизу надъ всей страною
Мчится стоновъ ураганъ
И кровавой пеленою
Густо стелется туманъ.

Тамъ кошмарныя видѣнья
Вьются въ сумракѣ ночей,
Тамъ сквозь жаркія моленья
Слышенъ хохотъ палачей.

Въ корчахъ гнѣва и боязни
Задыхается земля...
Страшны пытки, страшны казни
У Купона-короля.

Но защитою побѣдной
Окруживъ свой пышный тронъ,
День и ночь, какъ призракъ, блѣдный
Молчаливъ король Купонъ...

Чутко-чутко ловитъ звуки
Онъ изъ грозной темноты
И туманитъ ужасъ муки
Королевскія черты.

Зоркій взглядъ онъ устремляетъ
На кровавыя поля...
Что же радость омрачаетъ
У Купона-короля?

Тамъ вдали за океаномъ
Блещетъ красная звѣзда:
Тамъ стоятъ могучимъ станомъ
Дѣти Вольнаго Труда.

Ихъ дружины боевыя
Съ грозной пѣсней подойдутъ,—
Дрогнутъ замки вѣковые,
Башни крѣпкія падутъ,

Тронъ разрушится на части,
И возставшая земля
Гнѣвно вырветъ скипетръ власти
У Купона-короля.

СМЕРТЬ ЖУРНАЛИСТА.

Она сошла къ нему, одѣтая туманомъ,
И онъ услышалъ рѣчь:

«Убогій червь земли!
Ты щедро дань платилъ пороку и обманамъ,—
Теперь ступай за мной, моимъ словамъ внемли.

Знай: есть всему конецъ—и моему терпѣнью,
И равнодушію. Спокойно я гляжу
На сумрачный развратъ, на кровь и преступленья,
Когда ихъ оправдать возможность нахожу
Совѣтомъ злобной тьмы, лишеньями, обидой...
Вѣдь, это только вы, ничтожные глупцы,
Рисуете меня разящей Немезидой,—
За ужасъ мщенія несете мнѣ вѣнцы.
Нѣтъ, я не такова. Но васъ я ненавижу.
Вы—Слова палачи. А Слово—свѣтъ небесъ,
Безсмертный даръ Того, чей вѣчный путь я вижу
Въ безбрежности міровъ, исполненной чудесъ.

Въ тѣ дни, когда гремѣлъ насилья голосъ жадный
И груды мертвыхъ тѣлъ на шумныхъ площадяхъ
Ложились, какъ снопы на жатвѣ безпощадной,—
Вы были въ сторонѣ, вы прятались впотьмахъ.
Шипѣньемъ гадины встрѣчали пѣснь свободы,
Улыбкой радости—злодѣйство палачей,
Когда отъ жалости дрожали неба своды
И Богъ не опускалъ къ землѣ Своихъ очей...

Ступай теперь за мной во тьму, по бездорожью!
Тебѣ пути въ лазурь давно заграждены...
Скажи: какой хулой, какою гнусной ложью
Ты оживишь столбцы изданій Сатаны?

Припомни же красу божественнаго дара,
Навѣкъ убитаго корыстною борьбой,
Когда, въ сіяніи зловѣщаго кошмара,
Его шипящій бичъ взовьется надъ тобой.

ВСТУПЛЕНІЕ

къ поэмѣ «Красный корабль».

Теперь, когда повсюду на землѣ
Слѣпая ночь раскинула покровы
И сѣетъ мракъ, зловѣщій и суровый,
Я разскажу о красномъ кораблѣ.

Подъ звонъ мечей, подъ грохотъ барабана,
Вблизи костра, горящаго во мглѣ,
Моимъ друзьямъ средь гибнущаго стана
Я разскажу о красномъ кораблѣ.

Таинственной дорогою страданья
Ведетъ насъ Духъ въ невѣдомую даль,
И грудь бойцовъ волнуютъ ожиданья
И сердце жжетъ великая печаль.
Но, уходя въ глубокія могилы,
Герои вѣрятъ: въ сумрачной ночи,

На смѣну имъ, придутъ живыя силы—
И вновь блеснутъ свободные мечи.
Кто знаетъ часъ желаннаго разсвѣта?
Кто знаетъ день торжественныхъ побѣдъ?
Онъ скрытъ отъ глазъ пророка и поэта,
Но онъ придетъ. Для Духа—смерти нѣтъ.

Отчизна-мать, тебѣ мои молитвы:
Въ побѣдные торжественные дни
Благослови героевъ прежней битвы
И память тѣхъ навѣки сохрани,
Кто свѣтъ носилъ во мракѣ и въ туманѣ,
Кто видѣлъ зло проклятья на землѣ,
Кто странствовалъ въ шумящемъ океанѣ
Отверженцемъ на красномъ кораблѣ.

РАЗСВѢТЪ ВЪ ОКЕАНѢ.

(Отрывокъ изъ поэмы «Красный корабль»).

Тогда рѣдѣлъ холодный сумракъ ночи...
По небесамъ румяная заря
Бросала свѣтъ, волнами отраженный,
А блескъ рубиновъ, кровью напоенный,
Ужъ потухалъ, едва-едва горя,
Какъ блѣдный факелъ, солнцемъ окруженный.
Смирилъ свой гнѣвъ могучій океанъ.
Его валы, безстрастны и лѣнивы,
Разгладили морщинистыя гривы
И сумрачно катилися въ туманъ.
Сквозь ревъ волны и голоса матросовъ,
Къ намъ долеталъ порою съ высоты
Протяжный крикъ незримыхъ альбатросовъ...
И много было строгой красоты
Въ кипѣньи волнъ, въ лазури небосвода
И въ пурпурѣ ликующей зари.

И молвилъ мнѣ Учитель:—Посмотри,
Какъ хороша владычица-природа!
Какъ радостно влечетъ она къ себѣ
Познанья духъ, присущій намъ отъ вѣка,
И какъ ласкаетъ сердце человѣка,
Усталое въ мучительной борьбѣ!
О, дивный богъ! Разсѣй же мракъ кошмарный!
Впередъ, впередъ,—къ побѣдамъ отъ побѣдъ,—
Веди людей, владыка свѣтозарный!

И онъ пошелъ, а я за нимъ вослѣдъ.

. . . .

. . . .

БАЛЛАДА О ВОЛКАХЪ.

Графъ вернулся изъ похода,
Графъ вездѣ провозглашенъ
Побѣдителемъ народа,—
Палачомъ дѣтей и женъ.
На голодныя селенья
Графъ низринулъ смерть и мщенье
Во главѣ своихъ полковъ;
Мертвыхъ тѣлъ оставилъ груду;—
За полками шли повсюду
Стаи жадныя волковъ.

Пиръ горой. Огни и трубы.
Залпы пушекъ у воротъ.
Графъ ликуетъ. Рѣчью грубой
Славитъ черный свой походъ:
— Честь и слава нашей силѣ!
Не напрасно мы ходили
Погостить къ бунтовщикамъ:
Всѣ спокойны поневолѣ.
За сто верстъ на каждомъ полѣ
Снѣдь оставилъ я волкамъ.

Пиръ горою. Блещутъ свѣчи.
Замокъ весь огнемъ горитъ,
И въ отвѣтъ хвастливой рѣчи
Челядь пьяная гремитъ:
— Честь и слава господину:
Онъ согнулъ злодѣямъ спину,
Короля повеселилъ,
Далъ поживу всѣмъ солдатамъ
Да на праздникѣ богатомъ
И волковъ не позабылъ!

Ночь чернѣетъ. Вьюга злится.
Въ замкѣ тихо и темно.
Только графу не лежится:
Молча всталъ, глядитъ въ окно.
Вдругъ метнулся, сдвинулъ брови,—
Залилось волною крови
Сердце, чувствуя бѣду...
Что за диво? Въ міракѣ ночи
Свѣтятъ въ окна волчьи очи,
Волки бѣгаютъ въ саду.

Графъ протеръ глаза рукою.
Снова смотритъ въ темный садъ:
Вновь зеленою толпою
Огоньки предъ нимъ блестятъ.
Что же сторожъ въ эту пору
Не спустилъ цѣпную свору?—
Песъ не лаетъ въ конурѣ?
Гей, холопы! Гдѣ вы? Спите?
Живо, живо! Поглядите:
Волки бродятъ на дворѣ.

Снова ожилъ замокъ грозный:
Рогъ трубитъ, звенятъ мечи,
Вновь зажглись въ ночи морозной
Красныхъ факеловъ лучи.
Свѣтъ струится на дорогу;
Мѣрно сторожъ бьетъ тревогу...
Стонутъ совы на гнѣздѣ...
Мрачно высится ограда.
Не видать до чащи сада
Слѣду волчьяго нигдѣ.

Графу страшно, графу жутко.
Обошелъ широкій дворъ.
Что за дьявольская шутка?
Снова двери на запоръ,
Снова въ спальню. Быстрымъ глазомъ
Поглядѣлъ въ окно,—и разомъ
Сталъ блѣднѣе мертвеца.
Изъ тумана выростая,
Въ двери лѣзетъ волчья стая,
Волки сбились у крыльца.

Часъ прошелъ. Безумнымъ крикомъ
Мракъ наполнился ночной.
Вмигъ поднялся въ страхѣ дикомъ
Старый графскій стремянной:
Въ черныхъ узкихъ коридорахъ
Слышенъ тихій странный шорохъ,
Слышны странные шаги...
Въ спальнѣ полъ дрожитъ со скрипомъ,
Графъ хрипитъ предсмертнымъ хрипомъ:
— Волки... волки... помоги...

Въ сѣрой каменной капплицѣ
Двери ржавыя поютъ.
Черный гробъ стоитъ въ гробницѣ,—
Графа грознаго пріютъ...
Кто сгубилъ его? Ни слова
Не сказалъ старикъ суровый,
Но ходилъ повсюду толкъ,
Что лишь сталъ онъ на порогѣ,—
Отъ постели прямо въ ноги
Огневой метнулся волкъ.

. . . .

Чуръ насъ, чуръ, ночныя силы!
Кто скребется подъ окномъ,
Чьи безкрестныя могилы
Стонутъ въ сумракѣ ночномъ;
Кто пугаетъ темной рѣчью;
Кто на гибель человѣчью
Вылѣзаетъ изъ гробовъ...
Сгинь ты, нежить заклятая!
Богородица Святая,
Милуй насъ, Твоихъ рабовъ!

ХОРАЛЪ.

(Изъ Корнеля Уейскаго).

Съ дымомъ пожаровъ, съ паромъ отъ крови,
Боже, свой голосъ шлемъ мы къ Тебѣ!
Жалоба въ пѣснѣ, стонъ въ нашемъ зовѣ,
Волосъ сѣдѣетъ въ страшной мольбѣ.

Мы ужъ не знаемъ пѣсенъ безъ муки...
Тернъ обагренный въ голову вросъ!
Вѣчно простерты въ высь наши руки
Съ горькой молитвой воплей и слезъ.

Тяжко святая длань насъ бичуетъ!
Мы—же, залиты кровью своей,
Вновь восклицаемъ:—Богъ намъ даруетъ
Милость и счастье въ сумракѣ дней!

Снова встаемъ мы съ вѣрой,—и снова
Волей Твоею врагъ побѣдилъ.
Камнемъ разитъ насъ злобное слово:
— Гдѣ-же Отецъ вашъ, Богъ вашихъ силъ?

Ждемъ мы, взирая къ свѣточамъ міра:
Молніи грянутъ съ неба на долъ.
Пусто и тихо. Въ морѣ эфира
Рѣетъ, кружится вольный орелъ.

И въ колебаніи, въ страшномъ сомнѣньи
Прежде, чѣмъ вѣра вспыхнетъ въ груди,
Шлетъ Тебѣ сердце крикъ поношенья...
Ты-же не слово,—сердце суди!

Господи Боже! Въ мукахъ проклятья
Ужасъ и горе время несетъ:
Дѣти враждуютъ, борятся братья,
Каиновъ много въ мірѣ растетъ.

Но не предай ихъ вѣчной могилѣ!
Людямъ дорогу въ свѣтлый Твой рай
Адскія силы злобно закрыли...
Руки повинны,—мечъ не карай!

Видишь: въ печали, въ яростной битвѣ
Сердцемъ плывемъ мы въ міръ Твоихъ звѣздъ;
Вѣчныхъ чертоговъ въ тихой молитвѣ
Ищемъ, какъ птицы сонныя гнѣздъ.

О, защити насъ мощною дланью,
Дай намъ увидѣть будущій рай!
О, усыпи же наши страданья,
Свѣтомъ небеснымъ насъ осіяй!

Съ помощью неба въ праведномъ дѣлѣ
Въ бой нашъ послѣднiй вновь поспѣшимъ
И на дрожащемъ Дьявола тѣлѣ
Стягъ Твой побѣдный мы водрузимъ.

Братьямъ свободой души освѣтимъ,
Братьямъ согрѣемъ лаской сердца,
Вражеской силѣ грозно отвѣтимъ:
— Богъ—Покровитель Нашъ до конца!

ПОМѢШАННЫЕ.

(Баллада Іосифа Шуйскаго).

Въ Варшавѣ помѣшанныхъ трое
Сидятъ въ монастырской больницѣ.
Врачъ голову съ ними теряетъ,
У слугъ безнадежныя лица.

У перваго видъ благородный.
Онъ важенъ, и гнѣвенъ, и пылокъ.
Какъ киверъ, больничную миску
Онъ сдвинулъ на бритый затылокъ,
Какъ саблею, ножкой отъ стула
Взмахнулъ и, сверкая глазами,
Кричитъ онъ, усы расправляя:

«Вотъ польскій король передъ вами!
«Долой-же мѣщанъ и торговцевъ!
«Долой и жидовъ съ мясниками!
«Не черни сражаться за Польшу!
«Вотъ польскій король передъ вами!
«Я—шляхтичъ стариннаго роду:
«Тринадцать гербовъ я имѣю.
«Въ груди моей смѣлое сердце,

«Я саблей отлично владѣю.
«Прочь! Шляхта враговъ уничтожитъ.
«Не нужно жидовъ съ мясниками.
«Не черни стоять за отчизну.
«Вотъ польскій король—передъ вами!..
«Ей-Богу, однако, мѣщане
«И палками бьются умѣло,
«А наши шляхетскія сабли
«Висятъ себѣ въ ножнахъ безъ дѣла...
«Сосѣдъ мой, сбирайся на битву!
«Твои сыновья, вѣдь, не слабы.
«Вашъ гербъ знаменитый—Долива...
«Тамъ рѣжутся хлопы и бабы...
«Снимай свою острую саблю,
«Лихая подходитъ година:
«Всю Польшу мѣщане захватятъ,—
«И свѣту настанетъ кончина...
«Сосѣдъ! Да побойся ты Бога!
«Ты выдалъ повстанца! За что-же?
«Сосѣдъ! А шляхетская доблесть...
«Въ мозгу моемъ дьяволы! Боже!
«И солнца я въ небѣ не вижу
«И гербъ мой померкъ предо мною...
«Что дѣлаютъ люди съ сосѣдомъ?
«Зачѣмъ онъ трясетъ головою?
«Смотрите: вотъ прыгнулъ, затрясся...
«Вотъ крутится... точно онъ бѣшенъ...
«Ногами по воздуху машетъ...
«Повѣшенъ!.. Ей-Богу, повѣшенъ!..
«Сапожникъ—каналья повѣсилъ
«Сосѣда изъ роду Доливы...
«Вонъ,—черныя птицы слетѣлись
«И тѣло клюютъ молчаливо...
«Horrendum! Тутъ свѣту кончина!
«Что-жъ скажетъ король вамъ на это?
«Король? Но король, вѣдь, политикъ!

«Тутъ тонкаго ждите отвѣта!
«Мы, Божіей милостью польскій
«Король и властитель, рѣшаемъ:
«Что если сосѣдъ нашъ несчастный,
«Самимъ Сатаною внушаемъ,
«Свершилъ преступленье и былъ онъ
«Повѣшенъ рукою мѣщанской,—
«То, значитъ, герба онъ не стоилъ,
«Не стоилъ и сабли дворянской.
«Выходитъ, что не былъ онъ шляхтичъ,
«Коль въ воздухѣ дрыгалъ ногами,
«А тѣхъ, что дрались за отчизну,
«Тѣхъ жалуемъ мы господами...»

И падаетъ съ крикомъ безумецъ
И, тяжко вздыхая, простертый
На голомъ полу, безъ движенья
До ночи лежитъ полумертвый.

А рядомъ столяръ блѣднолицый
Хлопочетъ въ тревожной печали.
Славянскія русыя кудри
На лобъ его низко упали.
Хоть нѣтъ у него инструментовъ,—
Онъ рубитъ, пилитъ неустанно.
Глаза напряженно открыты
И смотрятъ пугливо и странно.

«Охъ, надо своихъ переправить!»
Онъ шепчетъ тревожно и тихо:

«Скорѣй переправить за Вислу,—
«Иначе придется имъ лихо:
«Шпіоны надъ берегомъ бродятъ,
«Въ лѣсу притаилась засада...
«Нагрянутъ, захватятъ,—и въ крѣпость!
«Повѣсятъ героевъ отряда,
«Дѣтей нашей бѣдной Варшавы!
«Ихъ врагъ сокрушитъ, уничтожитъ...
«О, Господи! Кто жъ имъ поможетъ,
«Когда и столяръ не поможетъ!..
«Я крытый паромъ имъ устрою,
«Какъ будто для угля, иль хлѣба...
«Въ паромѣ укроются наши...
«Пошли только силу мнѣ, небо!..
«Боюсь, чтобъ его не узнали,
«Но вѣрую Божьему чуду...
«Похожимъ на Крестъ Іисуса
«Паромъ я устраивать буду...
«Конечно, обширнѣй... Въ раменахъ
«Усядутся наши герои,
«Въ срединѣ же будетъ начальникъ,
«Оружье и ангеловъ трое.
«О, ангелы явятся съ неба
«Къ тому, кто стоитъ за свободу.
«Придетъ и Пречистая Дѣва,
«Защита и помощь народу.
«Пречистая Дѣва разстелетъ
«Надъ нами Покровъ Свой чудесный,—
«И мы проплывемъ невредимо,
«Хранимы рукою небесной...»

Такъ шепчетъ столяръ блѣднолицый,
Молясь и тревожно вздыхая.
Работаетъ бѣдный и вѣритъ,

Что явится Дѣва Святая,
Что ангелы явятся съ неба...
И самъ онъ, какъ ангелъ прекрасный,
Сіяетъ въ стѣнахъ непривѣтныхъ
Улыбкою кроткой и ясной.

А третій сидитъ сумасшедшій,
Какъ черная полночь, угрюмый.
Печальны глубокія взоры.
Какъ тучи, темны его думы.
Нахмурены гордыя брови.
И голосъ глухой, какъ изъ гроба.
И съ устъ его блѣдныхъ слетаютъ
Кощунство и дикая злоба.
Онъ пишетъ костлявой рукою
На пыльномъ полу вычисленья:

«Безуменъ народъ мой, безуменъ,
«Безумное было движенье...
«Безъ хлѣба, вождя, безъ оружья!..
«Рѣшенье для всякаго ясно:
«Погибель, погибель, погибель!
«И люди погибли ужасно.
«Вѣдь, Разумъ—владыка вселенной,
«Безумцамъ не будетъ пощады...»

Такъ шепчетъ безумецъ,—и къ небу
Возводитъ глубокіе взгляды.
И чертитъ пути онъ народу
Отъ прошлаго къ будущей долѣ,

Когда засіяетъ свобода,
Погибнутъ кошмары неволи...
А цифры встаютъ, оживаютъ...
Какъ лютыя черныя змѣи,
Ползутъ по ногамъ его стаей,
Шипятъ все ужаснѣй и злѣе,
Впиваются въ мозгъ его жадно
И слышитъ онъ, корчась отъ боли,
Ихъ крики: «Не будетъ, не будетъ
«Ни счастья, ни свѣта, ни доли!»
Безумецъ бросается гнѣвно,
Громитъ ихъ и воетъ отъ злости
И съ ужасомъ видитъ, какъ снова
Встаютъ ихъ разбитыя кости,
Растутъ, и за сердце хватаютъ...
И онъ съ потухающимъ взоромъ
Кричитъ имъ:—Погибель! А цифры
Хохочутъ язвительнымъ хоромъ,
И тихо на блѣдныя щеки
Сплываютъ горячія слезы
И пьетъ ихъ толпа привидѣній,
Проклятья крича и угрозы...

О, Боже! Когда въ пораженьяхъ
И въ ужасахъ духъ нашъ устанетъ,—
Ты насъ сохрани отъ безумья
И вѣрный народъ Твой воспрянетъ.
Храни отъ безумія гордость!
Храни отъ безумія разумъ!
Храни отъ безумія вѣру!..
Но если надвинутся разомъ
Всѣ муки, и духъ нашъ задавятъ,—
Господь, изъ заоблачной сферы
Пошли намъ великую вѣру,
Святое безуміе вѣры!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Въ пустынѣ	7
Плачъ по убіеннымъ	9
Симонъ Киринейскій	11
Молитва вечерняя	13
Пасхальный звонъ	15
Бѣсы полночные	17
Пилигримъ	19
Іегова	21
Къ высотѣ	23
Кладбище	25
Путь	27
Звѣзды	29
Химера	31
Змѣя	32
Жемчуга	34
Ракета	36
Старая сказка	37
Снилось мнѣ, что въ небѣ	39
Грусть	40
Послѣдніе лучи	42
Будь благословенна!	44
Подъ грозой	45
Зори	47
Сонъ	49
Женщинѣ	51
Афродита	53
Пѣснь аѳинскихъ дѣвушекъ	55
Таинство	59

Стр.

Недоступное 60
Съ тихимъ стономъ упала 61
Одиночество 62
Чары ночи 64
Освобожденіе 66
Обманъ 68
Терпѣніе 69
Ревность 70
Страсть 71
Экстазъ 72
Юность 73
Невинность 74
Весенняя исторія 75
Красоткѣ 78
Разсвѣтъ 79
Байдары 80
Горный лѣсъ 81
Алупка 82
Ночь въ Алупкѣ 84
Передъ бурей 85
Ай-Петри 86
Вечеръ въ Мисхорѣ 88
Набережная 89
Южное море 90
Съ берега 91
Piccola Marina 92
Дорога на Анакапри 94
На взморьѣ 95
Болонья 96
Катакомбы 98
Матери-землѣ 100
Березы 103
Мартъ 104
Бѣлая ночь 106
Земля цвѣтетъ 108
Сѣверные сны 109
На вечерней зарѣ 111
Огонекъ 113
У окна 114
Въ бору 115
Косовица 117
Іюль 118

Стр.
Нынче въ полѣ 120
Зарницы. 121
Свѣтлый зной. 123
Боръ. 125
Могильныя травы. 126
Жабы. 127
Погостъ. 128
Трясина. 129
Бабье лѣто. 130
На охоту. 131
Поземка. 133
Бѣлорусская дорога. 134
Пѣсенка. 136
Божій человѣкъ. 138
Ухарь. 141
Вѣдьма. 143
Конокрадъ. 145
Пѣсня о Королѣ-Купонѣ 147
Смерть журналиста. 149
Вступленіе къ поэмѣ «Красный корабль». 151
Разсвѣтъ въ океанѣ. 153
Баллада о волкахъ. 155
Хоралъ. 159
Помѣшанные. 162
